

ГЕРЦЕН И ТОЛСТОЙ

Сообщение Н. Гусева

1

Художественное дарование Льва Толстого было высоко оценено Герценом еще при первом появлении Толстого в литературе.

«Из новых произведений», — писал Герцен в 1856 г. во второй книге «Полярной Звезды», — меня поразила своей пластической искренностью повесть графа Толстого «Мое детство»¹. Как видим, Герцен не вполне точно называет первую повесть Толстого, появившуюся в сентябрьской книжке Некрасовского «Современника» за 1852 г. под данным ей редакцией названием «История моего детства».

К тому же 1856 г. относятся и другие сочувственные отзывы Герцена о Толстом. Так, 17 апреля этого года Герцен писал М. К. Рейхель: «Есть новый очень талантливый автор — граф Толстой»². И в другом письме к тому же адресату, от 16 июня того же года Герцен писал: «Получил новые журналы русские — много интересного. Маленький рассказ гр. Толстого («Метель») — чудо, вообще движение огромное»³. (Рассказ Толстого «Метель» был напечатан в мартовской книжке «Современника» за 1856 г.).

Наконец, в третий раз пишет Герцен о Толстом тому же адресату 8 мая 1857 г.: «Читали ли вы Толстого повести и рассказы? Достаньте непременно — удивительно хорошо»⁴.

В третьей книге «Полярной Звезды» за 1857 г., под названием «Две песни крымских солдат», Герцен напечатал сложенную Толстым сатирическую песенку на неудачное сражение при реке Черной 4 августа 1855 г., и другую песню, начинающуюся словами: «Как восьмого сентября»... и представляющую результат коллективного творчества севастопольских офицеров. Печатая песни, Герцен не знал, что первая из них сложена Толстым; обе песни он считал произведениями народного творчества и снабдил их следующим примечанием: «Эти две песни списаны со слов солдат. Они не произведение какого-нибудь особого автора, и в их складе нетрудно узнать выражение чисто народного юмора».

К апрелю 1858 г. относится письмо Герцена к немецкой писательнице М. Мейзенбург, переведившей выдержки из рассказа Толстого «Севастополь в декабре месяце». Объяснив переводчице значение некоторых непонятных для нее русских выражений, Герцен прибавляет: «Не легко переводить такие страницы, даже очень трудно. Другие вещи Толстого легче; жалко также, что это лишь отрывок. Весь характер правдоподобен, изображен реально и верно»⁵. Суждение Герцена относится, очевидно, ко всему рассказу Толстого.

Забегая вперед, укажем два упоминания о Толстом в письмах Герцена за 1868 год. В письме от 3 февраля 1868 г. к С. Тхоржевскому Герцен передает, что его просили для издательства железнодорожной библиотеки указать, какие произведения русской литературы он рекомендовал бы для перевода на французский язык, Герцен сообщает, что он рекомендовал три вещи: «Детство» Толстого, «Героя нашего времени» и «Мертвые души»⁶.

В другом письме того же года находим высказанное мимоходом замечание о «Воине и мире». Это замечание было сделано Герценом в письме к Н. П. Огареву от 1 августа 1868 г., когда вышло из печати всего четыре тома (из шести) первого издания романа. В конце своего письма Герцен писал: «Ты, кажется мне,

просмотрел хорошую сторону Толстого романа и преувеличил черную сторону Кельсиева. Сам ты или по наговору Мерчинского? Он Тате говорил и о Толстом и о Кельсиеве»⁷.

Из текста письма Герцена не видно, говорит ли он о каком-либо устном высказывании Огарева о «Войне и мире» или отвечает на его письмо. В письмах Огарева за 1868 год, хранящихся в Рукописном отделении Всесоюзной публичной библиотеки имени Ленина, упоминания о «Войне и мире» нет.

II

Что касается Толстого, то первое свидетельство, касающееся его отношения к Герцену, должно отнести к 1855—1856 г. Известный в свое время романист Г. П. Данилевский, вспоминая в 1886 г. о своих встречах с Толстым, писал: «Я познакомился с Толстым в Петербурге, в конце пятидесятых годов, в семействе одного известного скульптора-художника. Тогда автор «Севастопольских рассказов» только что приехал в Петербург и был молодым и статным артиллерийским офицером... Граф Л. Н. Толстой, как теперь помню, вошел тогда в гостиную хозяйки дома во время чтения вслух нового произведения Герцена. Тихо став за креслом тещи и дождавшись конца чтения, он сперва мягко и сдержанно, а потом с такою горячностью и смелостью напал на Герцена и на общее тогдашнее увлечение его сочинениями, и говорил с такой искренностью и доказательностью, что в этом семействе впоследствии я уже не встречал изданий Герцена. Надо вспомнить, что это суждение было сказано задолго до поры, когда русское общество, а под конец и сам Герцен разочаровались во многом, чему так от души поклонялись»⁸.

Упомянутый Данилевским «известный скульптор-художник», — это, несомненно, вице-президент Академии художеств гр. Федор Петрович Толстой, двоюродный дядя Л. Н. Толстого. Толстой приехал из Севастополя в Петербург 19 ноября 1855 г., а 27 мая 1856 г. уехал из Петербурга в Ясную Поляну; следовательно, рассказанный Данилевским случай мог произойти в декабре 1855 г., а более вероятно — в первые месяцы 1856 г. С семейством Ф. П. Толстого Лев Николаевич был хорошо знаком; сохранилось его письмо к жене Ф. П. Толстого, гр. Анастасии Ивановне Толстой, от 7 февраля 1856 г.⁹ По характеру своему, засвидетельствованное Данилевским отношение Толстого того времени к Герцену вполне правдоподобно; оно вполне гармонирует с той «невольной оппозицией всему общепринятому в области суждений», которую Фет, по его словам, заметил в Толстом «с первой минуты его появления» в петербургских литературных кругах¹⁰.

В то же время собственная запись Толстого в дневнике о чтении им Герцена, относящаяся к тому же 1856 г., противоречит его суждению о Герцене, записанному Данилевским. 4 ноября этого года Толстой записывает: «Дочел «Полярную Звезду». Очень хорошо»¹¹. Ко времени этой записи вышли, как известно, две книги «Полярной Звезды». Из произведений самого Герцена в них были напечатаны: письмо к Александру II, несколько глав «Былого и дум», статья о книге Мишле «Renaissance», заметка «К нашим» и несколько ответов на письма.

29 января 1857 г. Толстой уехал за границу. В Париже он встретился с Тургеневым; у них явилась мысль проехать в Англию и повидаться с Герценом. 16 (28) февраля 1857 г. Тургенев писал Герцену: «Толстой тоже будет в Англии; ты его полюбишь, я надеюсь, и он тебя»¹². Герцен отвечал Тургеневу 2 марта: «Очень, очень рад буду познакомиться с Толстым. Поклонись ему от меня, как от искреннего почитателя его таланта. Я читал его «Детство», не зная, кто писал, и читал с восхищением, но второго отдела не читал вовсе, нет ли у него. Если ему понравились мои «Записки», то я вам здесь прочту выпущенную главу о Вятке и главу о Грановском и Кетчере»¹³. Здесь под «вторым отделом» Герцен разумеет повесть Толстого «Отрочество», появившуюся в № 10 «Современника» за 1854 г., а под «Записками» — свои «Былое и думы».

Тургенев отвечал Герцену 5 марта 1857 г. Он писал: «Толстому я передал твой привет; он очень ему обрадовался и велит тебе сказать, что давно желает

с тобой познакомиться и заранее тебя любит лично, как любил твои сочинения (хотя он NB далеко не красивый)»¹⁴.

В позднейшем письме от 11 августа 1857 г. Герцен опять пишет Тургеневу: «Жду Толстого и тебя»¹⁵. Но Толстой в эту свою заграничную поездку в Англию не поехал, и знакомство его с Герценом в то время не состоялось.

III

Следующее упоминание о чтении Герцена находим в дневнике Толстого под 4 августа 1860 г., когда Толстой во вторую свою заграничную поездку жил в Киссингене. «Читал Герцена, — пишет Толстой, — разметающийся ум, большое самолюбие. Но ширина, ловкость и доброта, изящество русские».

У нас нет сведений о том, что именно читал тогда Толстой из сочинений Герцена; но почти безошибочно можно предположить, что речь идет о сборнике «За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Первая часть», вышедшем именно в 1860 г.

В марте следующего 1861 г. состоялось и личное знакомство Толстого с Герценом. К сожалению, во время своего пребывания в Англии, Толстой не вел дневника, и потому сведения о его беседах с Герценом очень скудны. 15 апреля 1904 г., отвечая своему биографу П. И. Бирюкову о своих встречах с Герценом, Толстой писал: «С Герценом я выдался в бытность в Лондоне... почти каждый день, и были разговоры всякие и интересные»¹⁶.

Толстой приехал в Лондон, вероятно, 2 марта 1861 г. (нов. ст.), а уже 7 марта Герцен сообщал Тургеневу: «Толстой — короткий знакомый; мы уж и спорили; он упорен и говорит чушь, но простодушный и хороший человек; даже Лиза Огарева его полюбила и называет «Левстой». Что же больше? Только зачем он не думает, а все как под Севастополем, берет храбростью, натиском...»¹⁷. В следующем письме от 12 марта Герцен опять писал Тургеневу о Толстом: «Гр. Толстой сильно завирается подчас; у него еще мозговарение не сделалось после того, как он покушал впечатлений»¹⁸.

Кроме этих вписок Герцена, имеется еще несколько воспоминаний, в том числе и самого Толстого, о его встречах с Герценом. Н. А. Тучкова-Огарева в своих воспоминаниях рассказывает: «Незадолго до отъезда из России, Огарев и я читали с восторгом «Детство», «Отрочество», «Юность» Толстого, его рассказы о Крымской войне. Огарев постоянно говорил об этих произведениях и об их авторе. Приехав в Лондон, мы спешили поделиться с Герценом рассказом о новом, необыкновенно даровитом писателе. Оказалось, что Герцен читал уже многое из его сочинений и восхищался ими. Особенно удивлялся Герцен его смелости говорить о таких тонких, глубоко затаенных чувствах, которые, быть может, испытаны многими, но которые никем не были высказаны. Что касается до его философских воззрений, Герцен находил их слабыми, туманными, часто бездоказательными.

«Толстой у нас в доме, — думали мы с Наташей, — и спешили в гостиную, чтоб взглянуть на замечательного соотечественника нашего, которого читала вся Россия. Когда мы вошли, граф Толстой о чем-то горячо спорил с Тургеневым. Огарев и Герцен тоже принимали участие в этом разговоре... Конечно, Толстой и не воображал, с каким трепетом мы пожали его руку, и не говорили даже с ним, а только слушали его разговоры с другими. Он ездил к нам ежедневно. Спустя несколько дней, стало очевидно, что как писатель он гораздо симпатичнее, чем как мыслитель, потому что он был иногда нелогичен; сторонник фатализма, он часто имел горячие споры с Тургеневым, в которых они говорили друг другу весьма неприятные вещи. Когда споры прекращались, Толстой был в хорошем настроении, он пел, аккомпанируя себе на фортепиано, солдатские песни, сочиненные им в Крыму во время войны»¹⁹.

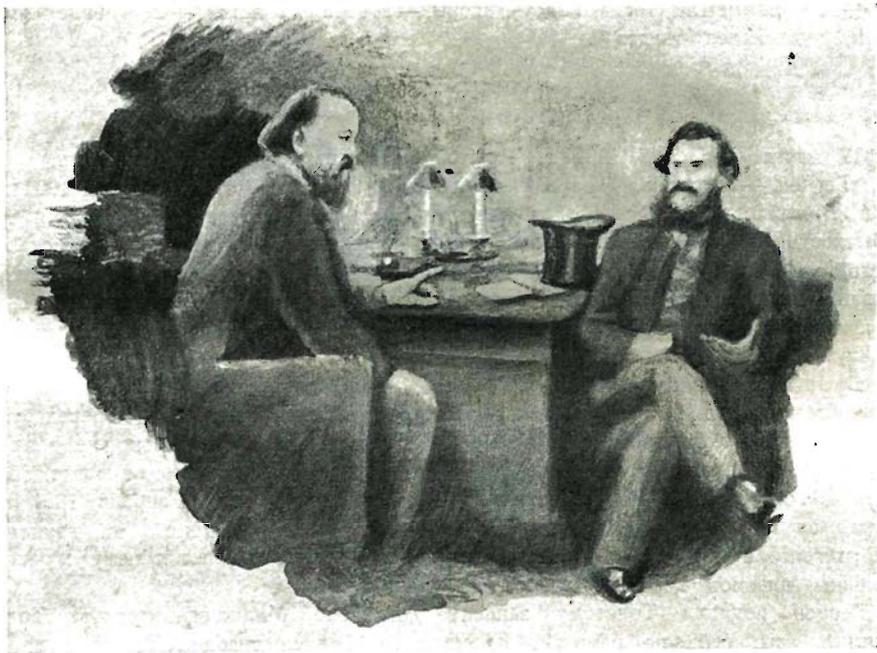
Когда Толстому 26 июня 1904 г. передали содержание этой записи Огаревой о его разговорах с Герценом и Тургеневым, он «сказал, что помнит многое, о чем они говорили, а этого разговора не припоминает». — «Может быть, она просто со-

чинила разговор, как это часто делают авторы всяких мемуаров и записок», — прибавил Лев Николаевич²⁰.

Толстой был совершенно прав в своем скептическом отношении к записи Огаревой. Споров с Тургеневым в доме Герцена у него быть не могло, так как Тургенева в Лондоне в то время не было.

Кроме воспоминаний Огаревой, есть еще записанный П. И. Бирюковым, со слов дочери Герцена, Натальи Александровны, которая была в то время девушкой шестнадцати лет, рассказ об одном свидании Герцена с Толстым. По ее словам, в это свидание разговор шел только о петушиных боях и о состязании боксеров, которые Толстой видел в Лондоне²¹.

Гораздо интереснее и значительнее воспоминания самого Толстого об его встречах с Герценом, хотя воспоминания эти и записаны не самим Толстым, а другими лицами. Так, П. А. Сергеенко со слов Толстого, слышанных им в январе

ТОЛСТОЙ У ГЕРЦЕНА В ОРСЕТ-ГАУЗЕ в 1861 г.

Рисунок С. Визеля

Толстовский музей, Москва

1908 г., рассказывает, что Толстой, никогда не любивший выставлять себя, сначала хотел посетить Герцена просто как один из приезжих русских, но его не приняли. Тогда он послал свою карточку. «Через некоторое время наверху слышались быстрые шаги, и по лестнице, как мяч, слетел Герцен. Он поразил Льва Николаевича своей внешностью небольшого, толстенького человека и внутренним электричеством, исходившим из него.

— Живой, отзывчивый, умный, интересный, — пояснил Лев Николаевич, — Герцен сразу заговорил со мною так, как будто мы давно знакомы, и сразу заинтересовал меня своею личностью. Я ни у кого уже потом не встречал такого редкого соединения глубины и блеска мыслей... Он сейчас же, это я хорошо помню, повел меня почему-то не к себе, а в какой-то соседний ресторан сомнительного достоинства. Помню, меня это даже несколько шокировало. Я был в то время большим франтом, носил цилиндр, пальмерстон и пр. А Герцен был даже не в шляпе, а в какой-то плоской фуражке. К нам тут же подошли польские

деятели, с которыми Герцен возился тогда. Он познакомил меня с ними, но потом, вероятно, пожалел, потому что сказал мне, когда мы остались вдвоем: «Сейчас видна русская бестактность. Разве можно было так говорить при поляках?» Но все это вышло у Герцена просто, дружелюбно и даже обаятельно. Я не встречал больше таких обаятельных людей, как он. Он неизмеримо выше всех политических деятелей того и этого времени»²².

Судя по печатаемым ниже письмам Толстого к Герцену, главным предметом их разговоров было — внутреннее положение России и освобождение крестьян. Но Толстой признавал, что он в то время не вполне использовал возможность личного общения с Герценом.

Г. А. Русанов, бывший в Ясной Поляне 4—6 декабря 1890 г., в своих воспоминаниях со слов Толстого записал:

«Лев Николаевич видел Герцена в Лондоне, и тот произвел на него сильное впечатление. Но политика тогда не занимала его, он увлеклся другим.

— На мне были тогда надеты шоры, — говорил Толстой, — и я видел только то, чем увлекался тогда»²³.

IV

17 марта (нов. ст.) 1861 г. Толстой уехал из Лондона в Брюссель.

«Герцен, — вспоминал Толстой в письме к Бирюкову от 15 апреля 1904 г., — когда я уезжал в Брюссель, дал мне туда письмо к Прудону, которого я видел в бытность там и который мне очень понравился»²⁴. «Герцен, — рассказывал Толстой тому же Бирюкову 27 декабря 1904 г., — дал мне письмо к Прудону, поставил меня с ним в самые близкие отношения, и к Лелевелю...²⁵ Я ему [Лелевелю] привез поклон от Герцена, он меня принял, рассказывал мне про старину»²⁶..

В этих воспоминаниях Толстого, повидимому, есть небольшая неточность: из публикуемого ниже первого письма Толстого к Герцену видно, что перед отъездом он должен был зайти к Герцену за письмом к Прудону, но не зашел, и Герцен, очевидно, послал ему свое письмо к Прудону в Брюссель по почте. (О посещении Толстого Прудон известил Герцена в письме от 11 апреля 1861 г., в котором он писал: «Enfin j'ai eu ces jours derniers M. Tolstoï, un savant qui s'est présenté à moi d'autre part». О том, что Толстой приехал к нему с рекомендательным письмом Герцена, Прудон не упоминает)²⁷.

Герцен подарил Толстому записку Джузеппе Маццини, которую Толстой просил у него себе на память²⁸. Кроме того, Герцен снабдил Толстого адресом мужа своего друга М. К. Рейхель, Альберта Рейхеля, дирижера Дрезденской оперы (его адрес записан Толстым в записной книжке).

20 марта Толстой уже пишет Герцену первое письмо. Письмо это не преследовало никаких практических целей; Толстому хотелось только продолжать общение с Герценом. Из письма Толстого видно, что у него установились с Герценом простые, дружеские, откровенные отношения. Вот это письмо, впервые (как и два следующих) появляющееся в нашей печати (подлинники писем хранятся в фонде М. Драгоманова в Русском историческом архиве в Праге; в Толстовском музее в Москве имеются фотокопии).

20 марта 1861.

Чувствую потребность написать вам словечко, хотя, собственно, нечего мне сказать вам, любезный Александр Иванович. Хочется сказать, что я очень рад, что узнал вас, и что несмотря на то, что вы всё искали меня на том конце, на котором бы не должен быть никто по всем вероятностям, мне весело думать, что вы такой, какой есть, т. е. способный сбегать за микстурой для Тимашева и вследствие того способный написать то, что вы написали. Дай-то бог, чтобы через 6 месяцев сбылись ваши надежды. Все возможно в наше время; хотя

я и возможность эту понимаю иначе, чем вы. — Тесье вам сказал, верно, что я уехал только вечером и не успел зайти к вам, что бы мне даже нужно было сделать для письма Прудону. Тесье милый человек, но как он невозможно льстит в глаза. Я пробыл с ним долго, но не знаю его, такого он напустил льстивого дыму-чаду, что ничего разобрать нельзя. Как-то сошла ваша иллюминация. Здесь же, к удивлению моему, старые русские, как князь Дундук, похваляют государя за его твердость. Влияние совершившегося факта будет страшно сильно. Все будут либералы теперь, когда интересы будут наткаться только на стеснения, а не поддерживаться ими.

Я буду здесь, должно быть, около недели, ожидая писем и посылок из Лондона, Парижа и России. Ежели захотите написать мне, то адресуйте в Hôtel d'Angleterre, place Monnaie.

Жму руку всем вашим. Всё я хотел спросить у вас, что за человек ваша непонятная англичано-ненавистница гувернантка; и не успел. Вы к ней привыкли, а она престранная. Николай Платонычу жму руку и имею честь донести по его части, что вчера, слушая Фауста Гуно, испытал весьма сильное и глубокое впечатление, хотя не мог разобрать, произведено ли оно было музыкой или этой величайшей в мире драмой, которая осталась так велика даже в переделке французского либретто. Но музыка в самом деле не дурна.

Письмо Толстого требует некоторых пояснений. «Микстурой для Тимашева» Толстой называет едкую статью Герцена, напечатанную в новогоднем номере «Колокола» на 1861 г. под заглавием: «Тимашев, сидите дома, как Бейст, — не ездите, как Гайнау!» Статья написана по поводу приезда в Лондон начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III Отделением Тимашева; Герцен напоминает ему судьбу австрийского фельдмаршала Гайнау, который, после подавления рабочего движения в Вене, также приехал в Лондон. Здесь он посетил одну фабрику, на которой рабочие его узнали и избили. С Тимашевым, однако, этого не случилось, но по возвращении из-за границы он был смещен с занимаемой им должности и назначен губернатором в Пермь.

Упоминаемые в письме Толстого лица: Мари Эдмон Тесье дю Мотель, французский химик, участник февральской революции, друг Герцена; «князь Дундук» — князь Михаил Александрович Дондуков-Корсаков (1792—1869), вице-президент Академии наук, в семье которого Толстой часто бывал в Брюсселе. Толстой называет его «князь Дундук» вслед за Пушкиным, написавшим на него известную эпиграмму: «В Академии наук заседает князь Дундук...» Остроумие этой эпиграммы всегда, даже в его старые годы, вызывало у Толстого добродушный смех. Эпиграмма появилась впервые в сборнике «Русская поэтаенная литература XIX столетия», отпечатанном в Вольной русской типографии в Лондоне в 1861 г., с предисловием Огарева, и потому Герцену было вполне понятно, о каком «князе Дундуке» идет речь.

Самое интересное в публикуемом письме Толстого это — его фраза: «Дай-то бог, чтобы через шесть месяцев сбылись ваши надежды». Известно, что Герцен в то время еще не преодолел окончательно надежд на либеральные реформы Александра II, особенно на освобождение крестьян. Толстой лучше, чем Герцен, проводивший несколько лет в эмиграции, знал правительство Александра II, с которым ему приходилось иметь дело, и был далек от всяких иллюзий. Достаточно вспомнить его письмо к брату министра народного просвещения Е. П. Ковалевскому от 12 марта 1860 г., в котором он писал, что народное образование «не начиналось и никогда не начнется, ежели правительство будет заведывать им»²⁹. И в фразе о «надеждах» Герцена, которую читаем в письме Толстого, звучит сильно выраженная нота скептицизма, переходящая в прямое недоверие. Несмотря на это, Толстой интересуется предположенной Герценом «иллюминацией» — банкетом по случаю освобождения крестьян.

Вероятно, в тот же день, как и Герцену, Толстой писал и Тургеневу (это его письмо, как и большинство его писем к Тургеневу, неизвестно). В своем письме Толстой излагал свое впечатление от Герцена, указывая, между прочим, на его старость; это видно из ответного письма Тургенева от 22 марта, в котором есть такая фраза: «А Герцен, точно, очень стар, бедный»³⁰.

Герцен вскоре ответил на письмо Толстого, но ответ его неизвестен и вряд ли сохранился до нашего времени. Едва ли Толстой повез с собой в Россию письма Герцена; быть может, он передал их кому-либо из знакомых, бывших в то время за границей; во всяком случае каких-либо следов этих писем до сих пор не обнаружено.

Следующее письмо Толстого к Герцену помечено 26 марта. Приводим текст этого письма:

Только что собирался вам писать, любезный Александр Иванович, как получил ваше письмо. Писать же собирался вам о «Полярной Звезде», которую теперь только прочел всю как следует. Превосходная вся эта книга, это не мое одно мнение, но всех, кого я только видел. Вы все говорите — «полемику давайте». Какую полемику? Ваша статья об Овене, увы, слишком, слишком близка моему сердцу. Правда quand même, что в наше время возможно только для жителя Сатурна, слетевшего на землю, или русского человека. Много есть людей, и русских ^{99/100}, которые от страха не поверят вашей мысли (и в скобках буде сказано, что им весьма удобно, благодаря слишком легкому тону вашей статьи). Вы как будто обращаетесь только к умным и смелым людям. Эти люди, т. е. не умные и не смелые, скажут, что лучше молчать, когда пришел к таким результатам, т. е. к тому, что такой результат показывает, что путь был не верен. И вы немного даете право им сказать это — тем, что на место разбитых кумиров ставите самую жизнь, произвол, узор жизни, как вы говорите. На место огромных надежд бессмертия, вечного совершенствования, исторических законов и т. п., этот узор ничто — пуговка на место колосса. Так лучше бы было не давать им этого права. Ничего на место. Ничего, исключая той силы, которая свалила колоссов.

Кроме того, эти люди — робкие — не могут понять, что лед трещит и рушится под ногами — это самое доказывает, что человек идет; и что одно средство не провалиться это — идти не останавливаясь. Вы говорите, я не знаю России. Нет, знаю свою субъективную Россию, глядя на нее с своей призмочки. Ежели мыльный пузырь истории лопнул для вас и для меня, то это тоже доказательство, что мы уже надуваем новый пузырь, который еще сами не видим. И этот пузырь есть для меня твердое и ясное знание моей России, такое же ясное, как знание России Рыльева может быть в [18]25 г. Нам, людям практическим, нельзя жить без этого.

Как вам понравился манифест? Я его читал нынче по-русски и не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим. Еще не нравится мне то, что тон манифеста есть великое благодеяние, делаемое народу, а сущность его даже ученому крепостнику ничего не представляет, кроме обещаний³¹.

Кроме общего интереса, вы не можете себе представить, как мне интересны все сведения о декабристах в «Полярной Звезде». Я затеял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист. Я хотел поговорить с вами об этом, да так и не успел. — Декабрист мой должен быть энтузиаст, мистик и христианин, возвращающийся в 56-ом году в Россию с женою, сыном и дочерью и примеряющий свой строгий и несколько идеальный взгляд к новой России. Скажите пожалуйста, что вы думаете о приличии и своевременности такого сюжета. Тургеневу, которому я читал

начало, понравились первые главы. — Кланяюсь всему вашему милому (по правилу Тесье и по собственному размышлению) орсетскому подворью и посылаю вам и Огареву обещанные карточки, ожидая в замен ваших.

26 марта.

Л. Толстой

Пожалуйста, ежели вам не хочется, не отвечайте мне. Мне просто хотелось болтать с вами, а не вызывать на переписку знаменитого изгнанника. Вздумается, напишите строчку. Главное, боюсь быть indiscret с вашим временем.

В этом письме Толстой называет «превосходной» шестую книгу «Полярной Звезды», вышедшую в 1861 г. Главное содержание этой книги составляли материалы о декабристах и о Пушкине и главы из «Былого и дум». В числе этих глав была и статья о Роберте Оуэне, — одна из самых ярких обличительных статей, направленных Герценом против западноевропейского буржуазного общественно-политического строя. Толстой пишет, что статья эта «слишком, слишком близка» его сердцу, что это — «правда», которую может сказать только русский человек; но он не сочувствует «слишком легкому тону» статьи, повидному, потому, что предмет показался ему слишком серьезным, чтобы писать о нем в «легком» тоне (сам Толстой ни в то время, ни позднее никогда в таком тоне не писал). В то же время Толстой возражает и против общей мысли герценовской статьи, — именно против того ее места, где Герцен говорит: «Человек живет не для совершения судеб, не для воплощения идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился, и родился для (как ни дурно это слово) для настоящего... Мы не нитки и не иголки в руках фатума, шьющего пеструю ткань истории... мы знаем, что ткань эта не без нас шьется, но это не цель наша, не назначение, не заданный урок, а последствия той сложной круговой поруки, которая связывает все сущее концами и началами, причинами и действиями. И это не все, мы можем переменить узор ковра. Хозяина нет, рисунка нет, одна основа, да мы одни однихоньки».

Выраженная в этих словах точка зрения Герцена кажется Толстому недостаточной. На место разрушенных фантазмагорий религии и метафизики, — говорит он Герцену, — бессмертия души, вечного совершенствования, исторических законов, держащих человека в своей власти, вы ставите одну только личную жизнь человека. Одно не соответствует другому; это — маленькая пуговка на место колосса. На место разрушенного колосса, — говорит Толстой, — нужно поставить ту силу, которая этот колосс свалила; такой силой Толстой в то время считал человеческий разум. Вторая надежда Толстого — русский народ, «субъективная Россия», как он выражается. Эту свою «субъективную Россию» Толстой, по его словам, знает, знает так же хорошо, как Рылеев в 1825 г. знал Россию своего времени. (Упоминание о Рылееве объясняется тем, что в той книге «Полярной Звезды», о которой Толстой писал Герцену, были напечатаны материалы о Рылееве). Из недр народной жизни Толстой ожидает ростков какого-то нового сознания, которое заменит разрушенные кумиры.

Само собою разумеется, что эти возражения нисколько не нарушили общего дружественного отношения Толстого к «орсетскому подворью» (так он назвал дом Orsett House, в котором жил Герцен в Лондоне).

Далее, в письме Толстого обращает на себя внимание его отзыв о манифесте 19 февраля. Он недоволен ни слогом, ни содержанием манифеста. Ему кажется оскорбительным то, что «тон манифеста есть великое благодеяние, делаемое народу». Мы же, — говорит Толстой, имея в виду образованных людей, — «ни слову не поверим» из того, что в нем написано». Так далеко уже тогда простиралось недовольство Толстого к русскому правительству. Известно, что Герцен на первых порах, до ознакомления с «положением», иначе относился к манифесту об освобождении крестьян: в письме к Тургеневу от 28 марта он точно так же, как Толстой, по-

рицал слог манифеста, но не выражал недовольства его содержанием. В № 95 «Колокола» от 1 апреля 1861 г. появилась его восторженная статья «Манифест!», в которой он «из далекой ссылки» приветствовал Александра II «именем освободителя». Из письма Толстого Герцен должен был увидеть совершенно противоположное отношение его к этому правительственному акту.

Кроме выяснения личных и идейных отношений к Герцену, письмо Толстого имеет значение также и для истории его творчества. Для биографов и исследователей Толстого до сих пор оставался неясным вопрос о времени начала его неоконченного романа из эпохи декабристов. Сам Толстой в неоконченном и непечатанном при его жизни предисловии к «Войне и миру», написанном в декабре 1864 г., писал, что он «в 1856 г. начал писать повесть..., героем которой должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию». Однако, ни в дневнике Толстого за 1856 г., который он вел почти ежедневно, ни в его многочисленных письмах этого года нет ни малейших упоминаний о работе над этим произведением. То же следует сказать и относительно 1857 г. Исследователи (Грузинский, Цвяловский) справедливо полагали, что к 1856 г. может быть отнесен только самый замысел романа, но не его осуществление; осуществление же этого замысла исследователи и биографы относили к 1863 г., т. е. ко времени начала работ над «Войной и миром»³². Из публикуемого письма Толстого, датированного 26 марта 1861 г., мы узнаем, что роман был начат «месяца четыре тому назад», т. е. в ноябре 1860 г., когда Толстой жил еще в Гиере. Упоминание Толстого о чтении им начала романа Тургеневу находит свое подтверждение в письме Тургенева к Анненкову из Парижа от 15 (27) февраля 1861 г.: «На днях приехал сюда из Италии Толстой Л. Н. ...Он мне читал кое-какие отрывки из своих новых литературных трудов, по которым можно заключить, что талант его далеко не выдохся и что у него еще большая будущность»³³.

Получив от Толстого его карточку, Герцен сейчас же послал ему свою карточку с Огаревым (эта карточка с датой 28 марта 1861 г. воспроизводится ниже, стр. 511). В тот же день он писал Тургеневу: «С Толстым мы в сильной переписке и портретами обсыпались, а только у него в голове не прибрано еще, не выметено, а что мебель-то, может, и того-с»³⁴. Герцену, вероятно, показались неясными и неубедительными те возражения против общих положений его статьи о Роберте Оуэне, которые изложил ему Толстой в своем письме. Быть может, ему было не по душе также и отрицательное отношение Толстого к манифесту 19 февраля, столь противоположное его собственному настроению того времени. Повидимому, однако, судя по ответному письму Толстого, самому Толстому Герцен не написал того, что писал о нем Тургеневу; а на вопрос Толстого о том, продолжать ли ему свой роман о декабристах, ответил похвалами его таланту. Толстой 9 апреля ответил Герцену следующим письмом, написанным уже не из Брюсселя, который Толстой называет в этом письме «брабантскими кружевами», а из Франкфурта на Майне, в первый же день по прибытии в этот город:

В тот самый день, как я получил ваше письмо, любезный Александр Иванович, я получил письмо от Тургенева, обещавшего через два дня приехать в Брюссель. Tremendous light sir и т. д. и меня так пленило, что я намеревался по приезде Тургенева предложить ему съездить на ваш пир. Но приезд этот, к несчастью, не последовал по случаю кашля и наклеенной мушки, над которой я не могу смеяться, ибо сам в то время был оклеен мушками. — Потом, почему-то два или три письма, в которых я писал к вам про Лелевеля и про впечатленье, произведенное им на меня, я разорвал. — Теперь, чтобы не случилось того же, не буду писать и про это. Пишу только, чтобы вас поблагодарить за «Колокол» и добрый совет о романе. За слишком лестное мнение о мне не благодарю. Оно вредно. Огарева вспоминаю, я читал с наслаждением и очень был горд тем, что не зная ни одного декабриста, чутьем угадал свойственный этим людям христи-

одъ отомъ, да мажи и се
ценитъ. — Декларация мои два
— прети върхъ отъ гугиамъ амуръ
срещиамъ, въ врануномъ
въ 57 году въ Россію въ време
всманъ и даче въ и примире
— лощи свои, имъ и въ
идеалномъ вимъ въ маван
Россіи. — Скари, моремъ
кто въ дуге, о примире
и воевремемъ теко еоре
Муреме, кот. и китамъ
отправившъ первамъ мава.
Кланковъ всему ваниму амуръ
(то праву Мее и по лодке
лому резултатомъ) оскревану
подборъ а поставо вани
Скари одъ амуръ Каржан
ориде. въ земномъ ванима.
—
Н. Мамуръ

21 Марта. —
Парамуръ ерени ванъ и моремъ и ар
врану, и нато. Мамъ прети мажмъ ван
— мава и ванъ, а и ванима на ма
амуръ значемаго ирманде, вани
спидъ мажмъ ирманде. Мамъ
ванъ ванима и ванъ ванима

анский мистицизм. Из брабантских кружев я вчера вырвался и нынче ночью в Эйзенахе, день в Иене, 2 дня в Дрездене и в Варшаву, которая все больше и больше интересует меня. Ежели найду случай, напишу вам из Варшавы. Читали ли вы подробные положения о освобождении. Я нахожу, что это совершенно напрасная болтовня. Из России же я получил с двух сторон письма, в которых говорят, что мужики положительно недовольны. Прежде у них была надежда, что завтра будет отлично, а теперь они верно знают, что два года будет еще скверно, и для них ясно, что потом еще отложат и что все это «господа» делают. Кланяюсь вашей дочери, Николай Платонычу и его жене, и вам дружески жму руку, надеясь так или иначе до свиданья.

Ежели захотите мне прислать что-нибудь, то в Дрезден *poste restante*, а то через Киссена.

Л. Толстой.

9 апреля.
Франкфурт.

Письмо это было вызвано тем, что Толстой, в числе многих других русских, получил от Герцена приглашение приехать к нему на праздник по случаю освобождения крестьян. Толстому захотелось еще раз повидаться с Герценом; он поджидал Тургенева, с которым вместе и предполагал поехать в Лондон. Но Тургенев заболел, о чем и уведомил Толстого письмом³⁵; одному же Толстому ехать не хотелось и вторичная его поездка к Герцену не состоялась. «Пир» Герцена, происшедший 10 апреля, как известно, был омрачен полученным в тот же день известием о расстреле 8 апреля мирной манифестации в Варшаве. «Преступление было слишком свежо, раны не закрылись, мертвые не остыли, имя царя замерло на губах наших», писал Герцен на другой день в статье «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве». Таким образом, недоверчивое отношение Толстого к либеральным реформам «царя-освободителя» оправдалось полностью.

Повидимому, Герцен в своем письме в качестве материала для романа Толстого о декабристах указал ему на воспоминания Огарева «Кавказские воды», напечатанные в шестой книге «Полярной Звезды». Толстой отвечает, что он читал эти воспоминания, и отмечает в них одно место, в котором видит подтверждение своей догадки о «христианском мистицизме», свойственном декабристам. Он имел в виду страницы 346—347, где Огарев писал, что религиозный мистицизм был свойственен многим декабристам еще до разгрома восстания 14 декабря 1825 г., т. е. до их ссылки в Сибирь.

Далее Толстой в том же отрицательном духе, в каком он раньше высказывался о манифесте 19 февраля, высказывается теперь и о «Положении об освобождении крестьян». Он находит, что положение это — «совершенно напрасная болтовня». Подтверждение своему взгляду он видит в двух письмах, полученных им из России «с двух сторон» (т. е., повидимому, одно от барина, другое от мужика). Письмо от мужика, вероятно, от яснополянского приказчика — не сохранилось, а письмо от помещика — это письмо от брата Толстого, Сергея Николаевича, владельца имения Пирогово, Тульской губернии, в тридцати пяти верстах от Ясной Поляны. Письмо это, от 12 марта 1861 г., сохранилось; в нем С. Н. Толстой писал брату: «У нас теперь время интересное. Манифест о воле прочитан, народ еще ничего хорошенько не расчул, и нельзя ни о чем судить, скорей все недовольны, чем довольны. Но главное, народ еще ничего не понимает, что там написано, да и кажется очень равнодушным к содержанию его. Я предлагал яснополянским крестьянам, покада я здесь, объяснить им кое-что, но никто не пожелал этого, и сколько я мог понять из речей Резуна, который ходит мирским старостой, и Матвея Егорова, то выходит, что нечего, мол, о пустяках толковать, а что будет, про то мы и сами узнаем от попа либо от целовальника, а от тебя, окромя пустяков, ждать нечего»³⁶.

Вышеприведенное письмо Толстого к Герцену, повидимому, было последним. Писал ли ему Герцен в Дрезден, неизвестно.

V

12 (24) апреля 1861 г. Толстой вернулся в Россию.

Приехав в Ясную Поляну, он занял место мирового посредника и вступил в ожесточенную борьбу с крапивенскими крепостниками, отстаивая интересы крестьян. Вторым делом, которому он вновь предался со всей свойственной ему страстностью увлечения, были занятия с крестьянскими детьми. Он всецело погрузился в свою «субъективную Россию» — в мир крестьянских нужд и интересов. В школе он преподавал только то, что соответствовало ясно выраженным требованиям народа. Все то, что выходило за пределы интересов и требований трудящегося крестьянина или противоречило им, представлялось ему излишним и ненужным.

Не нужен оказался и Герцен с его общественно-политической борьбой и с его мечтаниями о будущем социальном устройстве.

В рапорте жандармского полковника Дурново начальнику III Отделения князю Долгорукову от 14 июля 1862 г., по поводу обыска в Ясной Поляне 6—7 июля 1862 г., сказано, что при обыске у одного из приглашенных Толстым народных учителей, студента Сердобольского, оказалось письмо к нему Толстого из Москвы от 25 января 1862 г., в котором Толстой жаловался Сердобольскому на другого учителя, студента Соколова, «осуждая его за то, что он любит заниматься литографией и слушает бредни Герцена, но делом не занимается»³⁷. Хотя точности жандармского донесения особенно доверять не следует, но в данном случае изложение содержания письма Толстого можно считать более или менее правильным, так как оно подтверждается упоминаниями о Герцене в статьях и письмах Толстого того времени. Так, в статье «Воспитание и образование», рисуя отрицательными штрихами облик русского студента того времени, Толстой замечает: «Главное занятие [их] — чтение запрещенных книг и переписывание их: Фейербах, Молешот, Бюхнер и в особенности Герцен и Огарев. Переписывается все не по достоинству, но по степени запрещения»³⁸.

Около 20 июля 1862 г. Толстой писал в Петербург своей двоюродной тетке А. А. Толстой по поводу произведенного у него обыска: «Я имею злобу и отвращение, почти ненависть к тому милому правительству, которое обыскивает у меня литографские и типографские станки для перепечатывания прокламаций Герцена, которые я презираю, которые я не имею терпения дочесть от скуки. Это факт — у меня раз лежали неделю эти прелести — прокламация и «Колокол», и я так и отдал не прочтя. Мне это скучно, я все это знаю и презираю не для фразы, а от всей души»³⁹. Если известную долю раздраженного тона этого письма отнести за счет того возмущения, которое вызвал в Толстом акт произведенного над ним полицейского насилия, то все же остается бесспорным факт равнодушного отношения его в то время к сочинениям Герцена. Это подтверждается и следующим письмом Толстого к тому же адресату от 7 августа 1861 г., написанным в более спокойном тоне. Рассказывая о студентах учителей, работавших в народных школах под его руководством, Толстой говорит: «Каждый приезжал с рукописью Герцена в чемодане, и каждый без исключения через неделю сжигал свои рукописи, выбрасывая из головы революционные мысли и учил крестьянских детей священной истории, молитвам и раздавал евангелия на дом». В том же письме, говоря о своем намерении эмигрировать за границу, Толстой заявляет: «К Герцену я не поеду: Герцен сам по себе, я сам по себе»⁴⁰.

Это отдаление от Герцена не мешало, однако, Толстому хранить у себя его запрещенные сочинения. В неопубликованном месте «Воспоминаний о графе Л. Н. Толстом» брата его жены С. А. Берса, выправленном в рукописи рукой С. А. Толстой, рассказывается, что во время обыска в Ясной Поляне «Дуняша, горничная тетьки Льва Николаевича, зная о существовании в доме портфеля с запрещенными книгами и карточкой Герцена и Огарева, который хранился особенно, успела взять его и бросить в канаву». Другой рассказ со слов сестры Толстого М. Н. Толстой записан Д. П. Маковицким под 26 августа 1909 г. в его

неопубликованных «Яснополянских записках». М. Н. Толстая рассказывала, что во время обыска яснополянцы «командировали Николеньку Петерсона [Н. П. Петерсона, одного из народных учителей, занимавшихся в школах под руководством Толстого] в Ясенки к учителю спрятать письма Герцена. Они были не ко Льву Николаевичу, а Лев Николаевич взял их у кого-то похоть»⁴¹.

VI

С 1863 г. в жизни Толстого начинается период создания и попыток создания больших романов, закончившийся лишь в 1879 г. За все это время ни в произведениях Толстого, ни в его письмах, ни в дневниках (очень немногочисленных) не находим ни одного упоминания о Герцене.

В конце 70-х годов в миросозерцании Толстого происходит перелом. По его собственным словам, для него «все, что было справа, стало слева, и что было слева, стало справа». «По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещицкой знати в России, — он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и в своих последних произведениях обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху до низу пропитывают всю современную жизнь»⁴².

Последние тридцать лет жизни Толстого отмечены усиленным вниманием к сочинениям Герцена, неоднократным их перечитыванием и многочисленными упоминаниями о Герцене в произведениях, дневниках, письмах и разговорах. Во взглядах Герцена Толстой находил много общего со своим миросозерцанием.

Первое упоминание о Герцене у Толстого этого периода находим в его письме к Н. Н. Страхову около 14 марта 1882 г. Толстой писал, что он «восхищен» статьями Страхова о Герцене⁴³. Главная мысль статей Страхова состояла в указании на то, что Герцен «пришел к тому убеждению, что нет живого духа на Западе, что все его мечты обновления не имеют внутренней силы, что одно верно и несомненно — смерть, духовное вымирание, гибель всех форм тамошней жизни, всей западной цивилизации». «Эту мысль, — говорит Страхов, — Герцен проповедывал упорно и постоянно до конца своей жизни. На эту тему написаны лучшие, остроумнейшие и глубокомысленнейшие его статьи. И наибольшее поучение, которое можно извлечь из Герцена, конечно, заключается в том анализе явлений западной жизни, которым он подтверждает свою мысль о падении Запада». Другая характерная черта Герцена, по мнению Страхова, это — вера в Россию. «Мысли Герцена о России, — говорит Страхов, — если взять их в целом, представляют образец глубокой проницательности и заслуживают серьезного изучения».

Эти две особенности миросозерцания Герцена — потерю веры в западную цивилизацию и его веру в Россию, в русский народ, Толстой, в своих позднейших высказываниях о Герцене, считал самыми близкими себе сторонами его взглядов. Кроме того, разочарование Герцена в западноевропейских революциях Толстой воспринимал, как разочарование его в революционном пути вообще, и потому в писаниях Герцена он находил общее со своим отрицательным отношением к насилию. И, наконец, Герцена, как художника, Толстой ставил в один ряд с лучшими русскими писателями.

В феврале 1888 г. Толстой вновь перечитывает Герцена — быть может, под влиянием рассказов о нем своего друга, художника Н. Н. Ге, который был очень дружен с Герценом, написал его портрет и высоко ценил его произведения. 9 февраля этого года Толстой писал В. Г. Черткову: «Читаю Герцена и очень восхищаюсь и соблазненна тому, что его сочинения запрещены: во-первых, это писатель, как писатель художественный, если не выше, то уж наверно равный нашим первым писателям, а во-вторых, если бы он вошел в духовную плоть и кровь молодых поколений с 50-х годов, то у нас не было бы революционных нигилистов. Доказывать несостоятельность революционных теорий — нужно только читать

Герцена, как казнится всякое насилие именно самым делом, для которого оно делается. Если бы не было запрещения Герцена, не было бы динамита, и убийств, и виселиц, и всех расходов, усилий тайной полиции, и всего того ужаса правительства и консерваторов, и всего того зла. Очень поучительно читать его теперь. И хороший, искренний человек. Человек и люди могут исправиться только тогда, когда их ложный путь заведет в болото, и он сам увидит, ахнет и станет вылезать и другому кричит: не ходите! А наше правительство задерживает людей, идущих в болото, тогда, когда они еще не дошли до него, когда они идут по ровной, веселой дороге. Мало того, один человек, выдающийся по силе, уму, искренности, случайно мог без помехи дойти по этой дороге до болота и увязнуть и кричать: не ходите! И что ж? Оттого, что человек этот говорит о правительстве правду, говорит, что то, что есть, не есть то, что должно быть, опыт и слова этого человека старательно скрывались от тех, которые идут за ним. Чудно и жалко»⁴⁴.

О том же писал Толстой и Н. Н. Ге 13 февраля 1888 г.: «Все последнее время читал и читаю Герцена и о вас часто вспоминаю. Что за удивительный писатель. И наша жизнь русская за последние двадцать лет была бы не та, если бы этот писатель не был скрыт от молодого поколения. А то из организма русского общества вынут насильственно очень важный орган»⁴⁵.

Теперь Толстой уже вполне определенно причисляет Герцена к великим русским писателям. В декабре 1890 г. он говорит Г. А. Русанову: «У нас кого читать, много ли у нас великих писателей? ...Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Герцен, Достоевский, ну... я (без ложной скромности), некоторые прибавляют Тургенева и Гончарова. Ну, вот и все. И вот один из них выкинут, не существует для публики — невознаграждаемая утрата»⁴⁶.

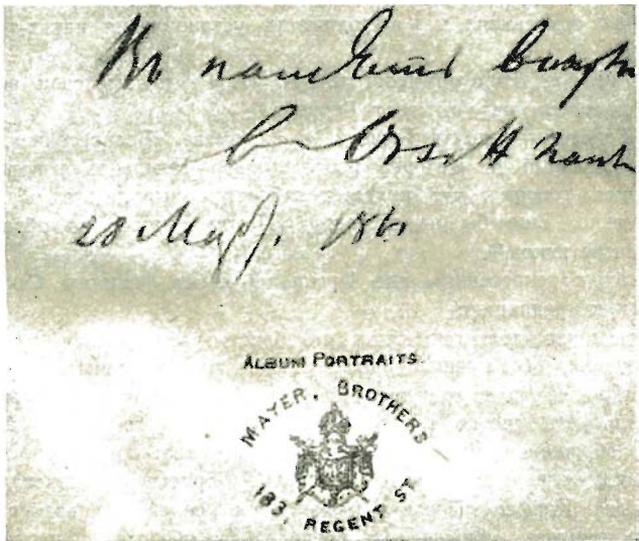
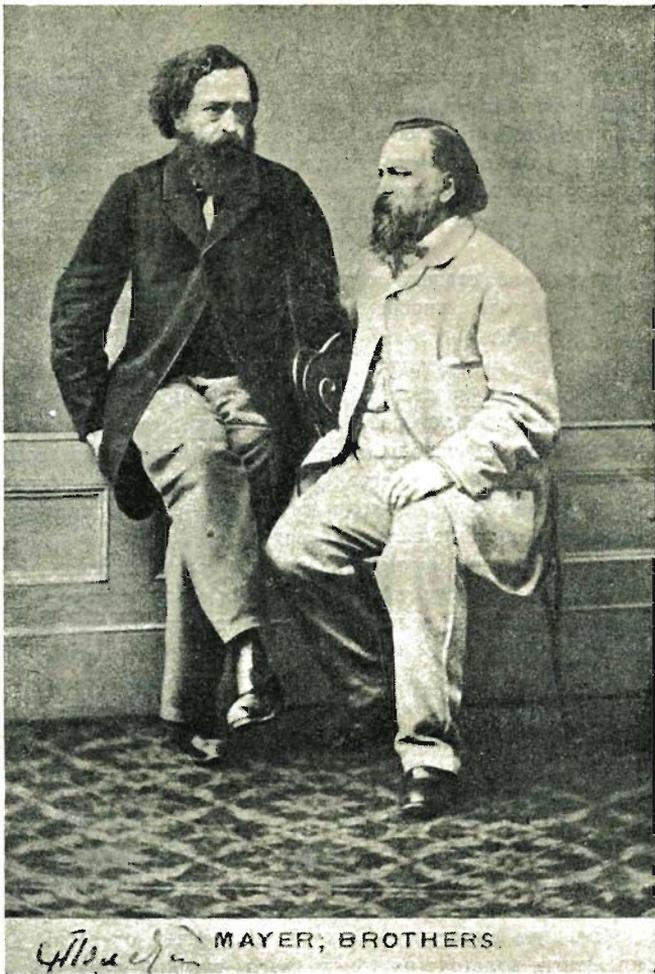
Однако, Толстой признавал, что несмотря на запрещение, Герцен все-таки оказывал свое влияние на русских людей. П. А. Сергеенко передает следующие слова Толстого, относящиеся к концу марта 1893 г.:

«Бедь если бы выразить значение русских писателей процентно, в цифрах, то Пушкину надо бы отвести 30%, Гоголю — 20%, Тургеневу — 10%, Григоровичу и всем остальным — около 20%. Все же остальное принадлежит Герцену. Он изумительный писатель. Он глубок, блестящ и проницателен. И будь он доступен русской молодежи, не было бы первого марта»⁴⁷.

Теперь уже Толстой в своих сочинениях и письмах охотно цитирует то или другое место или отдельное выражение Герцена. Так, в своем дневнике под 11 июля 1890 г. он записывает: «Мы переживаем то ужасное время, о котором говорил Герцен. Чингис-хан уж не с телеграфами, а с телефонами и бездымным порохом. Конституция, известные формы свободы печати, собраний, исповеданий, все это тормоза на увеличение власти вследствие телефонов и т. п. Без этого происходит нечто ужасное и то, что есть только в России»⁴⁸. Почти то же самое писал Толстой и Б. Н. Чичерину 31 июля того же года: «Не даром Герцен говорил о том, как ужасен был бы Чингис-хан с телеграфами, с железными дорогами, с журналисткой. У нас это самое совершилось теперь»⁴⁹.

И еще раз вспоминает Толстой эту фразу Герцена в своей большой работе «Царство божие внутри вас», написанной в 1891—1893 г.г. Здесь он говорит: «Правительства в наше время — все правительства, самые деспотические так же, как и либеральные, — сделались тем, что так метко называл Герцен: Чингис-ханом с телеграфами, т. е. организациями насилия, не имеющими в своей основе ничего, кроме самого грубого произвола, и вместе с тем пользующимися всеми теми средствами, которые выработала наука для совокупной общественной мирной деятельности свободных и равноправных людей и которые они употребляют для порабощения и угнетения людей».

В этих цитатах Толстой вспоминает следующее место из письма Герцена к Александру II по поводу книги барона Корфа о декабристах: «Если бы у нас весь прогресс совершался только в правительстве, мы дали бы миру еще небывалый пример самовластья, вооруженного всем, что выработала свобода, рабства и наси-

ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН

Фотография с дарственной надписью Герцена Толстому, 28 марта 1861 г.
Литературный музей, Москва

ля, поддерживаемого всем, что нашла наука. Это было бы нечто в роде Чингис-хана с телеграфами, пароходами, железными дорогами...⁵⁰

В последней главе той же работы «Царство божие внутри вас», говоря о неизбежности коренного изменения того насильнического общественного строя, который существовал в то время, при внешнем различии форм, во всех странах, Толстой приводит следующую большую выдержку из третьей главы цикла статей Герцена «С того берега»:

«— Что будет там, за стенами оставляемого нами мира?

— Страх берет — пустота, ширина, воля.. Как итти, не зная куда, как терять, не видя приобретенный?..

Если бы Колумб так рассуждал, он никогда не снялся бы с якоря. Сумасшествие ехать по океану, не зная дороги, по океану, по которому никто не ездил, плыть в страну, существование которой — вопрос. Этим сумасшествием он открыл новый мир. Конечно, если бы народы переезжали от одного готового *hôtel garni* в другой, еще лучший, — было бы легче, да беда в том, что некому заготовлять новых квартир. В будущем хуже, нежели в океане — ничего нет, — оно будет таким, каким его сделают обстоятельства и люди.

Если вы довольны старым миром, — старайтесь его сохранить, он очень хил, и надолго его не станет; но если вам невыносимо жить в вечном раздоре убеждений с жизнью, думать одно и делать другое, выходите из-под выбеленных средневековых сводов на свой страх. Я очень знаю, что это не легко. Шутка ли расстаться со всем, к чему человек привык со дня рождения, с чем вместе рос и вырос. Люди готовы на страшные жертвы, но не на те, которые от них требуют новая жизнь. Готовы ли они пожертвовать современной цивилизацией, образом жизни, религией, принятой условной нравственностью? Готовы ли они лишиться всех плодов, выработанных с такими усилиями, плодов, которыми мы хвастаемся три столетия, лишиться всех удобств и прелестей нашего существования, предпочесть дикую юность образованной дряхлости, сломать свой наследственный замок из одного удовольствия участвовать в закладке нового дома, который построится, без сомнения, гораздо лучше после нас?»

Приведя эту большую выдержку, Толстой прибавляет от себя:

«Так говорил почти полстолетия тому назад русский писатель, своим проницательным умом уже тогда ясно видевший то, что видит теперь уже всякий самый мало размышляющий человек нашего времени: невозможность продолжения жизни на прежних основаниях и необходимость установления каких-то новых форм жизни».

В том же 1893 г. Толстой поощряет Н. Н. Ге писать свои воспоминания о Герцене⁵¹, а осенью сам перечитывает Герцена⁵².

Не забыл Толстой упомянуть Герцена и в романе «Воскресение». В последней части романа умирающий на каторге революционер Крыльцов говорит:

— Да, Герцен говорил, что когда декабристов вынули из обращения, понизили общий уровень. Еще бы не понизили! Потом вынули из обращения самого Герцена и его сверстников⁵³.

В черновиках «Воскресения», где Крыльцов носит фамилию Семенов, эти его слова имеют такую редакцию:

— Ты смотри, что делается: были декабристы; как Герцен говорил: их извлекли из обращения, все приподнявшиеся выше толпы головы срубили⁵⁴.

Семенов вспоминает и выражение Герцена: «Чингис-хан с телеграфами»⁵⁵.

Вкладывая в уста своего героя слова Герцена о том, что после изъятия декабристов из обращения уровень русского общества понизился, Толстой, очевидно, имел в виду следующее место из письма Герцена к Александру II по поводу книги барона Корфа: «После ссылки этих людей температура образования видимо у нас понизилась, меньше ума сделалось в обороте, общество стало пошлее, потеряло возникающее чувство достоинства; с тех пор язык подъячих и манеры кантонистов получили право гражданства в гостинных, в литературе»⁵⁶..

Лишь изредка у Толстого 90-х годов проявляется скептическое отношение

к Герцену, о чем свидетельствует его запись в дневнике от 17 мая 1896 г. Здесь Толстой высказывает мысль, что Герцен, если бы у него было более определенное миросозерцание, мог бы дать больше того, что он дал. «Несмотря на свой огромный талант, что же он сказал нового, нужного?» — спрашивает Толстой⁵⁷.

VII

Вышеприведенный скептический отзыв Толстого о Герцене представляет исключение среди многочисленных сочувственных, часто прямо восторженных суждений его об этом писателе.

В 1899 г. В. Г. Чертков в своих «Листках Свободного Слова», выходявших в Англии, напечатал отдельные мысли Герцена, выбранные из его «Писем к старому товарищу». Как известно, В. И. Ленин в своей статье «Памяти Герцена» отмечает, что Герцен в этих «Письмах» «обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал «собирать полки» пролетариата, объединять «мир рабочий», покидающий мир пользующихся без работы»⁵⁸. Из этих же самых статей Герцена Чертков извлек ряд мыслей, близких к миросозерцанию Толстого. Получив «Листок» Черткова, Толстой писал ему 6 октября 1899 г.: «О листочке с выписками Герцена не помню, писал ли. В то время, как я получил его, я только что перечел «Письма к старому товарищу» и восхищался ими и читал всем вслух»⁵⁹.

Одну из мыслей Герцена, выбранных Чертковым из «Писем к старому товарищу», Толстой впоследствии (в 1908 г.) поместил в составленный им сборник изречений под заглавием «На каждый день». Мысль эта следующая: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри». Помещая эту мысль в свой сборник, Толстой перед словом «освобождать» вставил от себя — «силою»⁶⁰.

Толстой был склонен считать Герцена своим единомышленником по основным вопросам. К тому же 1899 г., когда Толстой перечитывал «Письма к старому товарищу», относится следующая запись одного разговора с Толстым, сделанная его единомышленником П. П. Николаевым: «Зашел разговор о Герцене, и Лев Николаевич очень хвалелюно о нем отзывался. Между прочим сказал, что вера Герцена в возможность и полезность насильственного переустройства социальных форм жизни не была в нем органической верой, но наносной и преходящей. Часто пробивалось в нем религиозное искание. «Думается, что он был бы теперь с нами», прибавил Лев Николаевич»⁶¹.

Вместе с тем, статьи Герцена представлялись Толстому образцом политической литературы, настоящим «свободным словом», смело, беспощадно и остроумно обличающим злодеяния правительств и правящих классов. Получив номер журнала «Свободная Мысль», издававшегося в Женеве П. И. Бирюковым, Толстой 1 августа 1899 г. писал ему: «Есть изюминка Герценовская. Так и нужно. И тут нужен большой такт, чтобы была изюминка, а между тем не уходили бы все кислые щи пеной, чтобы не было пресно и не была одна пена»⁶². Относительно современного ему английского политического писателя Моррисона Давидсона, автора книги «A new Book of Kings», Толстой замечал, что он пишет «как Герцен, блестяще, смело, остроумно»⁶³. Наоборот, в журнале «Свободное Слово», издававшимся Чертковым в Англии, Толстой, очевидно, не нашел герценовской «изюминки», и как бы в утешение Черткову писал ему 23 декабря 1901 г.: «Ваш листок «Свободное Слово» мне очень понравился. Боюсь, что это впечатление — особенно выгодное — он производит на меня, которому все, что он содержит, особенно близко. Интересно, какое он произведет впечатление на людей, чуждых нам. Сколько я замечал, всегда делают сравнение с «Колоколом» Герцена и не могут привыкнуть к тому, что основы другие»⁶⁴.

В августе 1901 г. в разговоре о русской литературе Толстой как «наиболее значительных» назвал только пятерых русских писателей: Пушкина, Лермонтова,

Гоголя, Герцена и Достоевского, причем упрекнул «либералов» за то, что они «забыли» Герцена⁶⁵. Через год, 28 июля 1902 г., в разговоре о значении и роли формы в искусстве, Толстой высказал мысль, что «каждый большой художник должен создавать и свои формы». Он вспомнил, как много лет тому назад (в 1857 году) они с Тургеневым «припоминали все лучшее в русской литературе, и оказалось, что в этих произведениях форма совершенно оригинальная». Они перечисляли это «лучшее» и назвали, кроме Пушкина, «Мертвые души» Гоголя, «Записки охотника» Тургенева, «Записки из мертвого дома» Достоевского, «Детство» самого Толстого, «Герой нашего времени» Лермонтова, «Былое и думы» Герцена⁶⁶.

В 1903 г. в разговоре с тифлисским педагогом С. И. Шульгиным Толстой опять порицает правительство за запрещение сочинений Герцена⁶⁷. В сентябре этого года в Ясную Поляну приехал великий почитатель Герцена и такой же восторженный почитатель Толстого, художника и обличителя самодержавия, — музыкальный критик В. В. Стасов. Приехавший вместе со Стасовым скульптор И. Я. Гинзбург впоследствии так вспоминал об этом свидании Толстого со Стасовым:

«После обеда.. Лев Николаевич прочел некоторые места из Герцена. — «Что это был за ум, острый и глубокий! — сказал Лев Николаевич. — Как он верно и метко поражал врагов своих! От его талантливого пера жутко доставалось его врагу. А помните, как он в немногих словах отметил характер двух императоров?..»

И Лев Николаевич стал наизусть приводить избранные места из сочинений Герцена, Владимир Васильевич весь сиял от восторга. Он, в свою очередь, припомнил некоторые мысли и изречения великого публициста. Точно в перегонку, эти два старца хвастались знанием и пониманием Герцена, и приятно было видеть, как в этом вопросе они совершенно сошлись⁶⁸.

Впоследствии сам В. В. Стасов в письме к Толстому от 7 июля 1906 г. вспоминал: «Вы нам читали и рассказывали ту сцену, как на параде в Вене император русский делал учтивости императору австрийскому, и Александр I подъезжал маленьким коротеньким галопцем к Францу I и серьезно и усердно салютовал ему, словно нивесть какое мировое дело выполнял. Ах, как вы читали, ах, как вы хохотали! Я от роду такого хохота и не видал и не слышал. Ах, как мы радовались и восхищались — уже не то что о дним Герценом, а целыми двумя. Вы да он»⁶⁹.

К 26 июня 1904 г. относится следующая запись в дневнике А. Б. Гольденвейзера: «Заговорили о Герцене. Лев Николаевич читал вслух отрывки из его книги (сборник статей из «Колокола»⁷⁰)... Он говорил о несчастной личной жизни Герцена и о той драме, которую он должен был пережить, когда от него отшатнулись и перестали его понимать представители (особенно молодые) той партии, для которой он работал всю жизнь»⁷¹.

Далее к 18 июля того же 1904 г. относится воспоминание М. О. Гершензона, посетившего в этот день Ясную Поляну. Толстой, рассказывает Гершензон, «заговорил о Герцене, о котором он очень высокого мнения; сказал, что читает теперь собрание его статей из «Колокола» и с интересом следит, какие глубокие перемены произошли за это время во взглядах Герцена. Когда я упомянул, что есть польская книжка, доказывающая близость его идей к идеям Герцена, он сказал: «Конечно, у меня много общего с ним, и главное, в чем я ему близок, это в его любви к русскому народу, и именно в его любви к характеру русского народа». Он ставит в упрек Герцену его любовь к остроумию: для красного словца многого не пощадит; и согласился со мною, что Герцен утомительно блестящ»⁷².

Последнее замечание, касающееся стиля Герцена, вполне согласуется с тем упреком, который Толстой деликатно сделал Герцену в письме к нему от 26 марта 1861 г., по поводу того «легкого тона», в каком, по его мнению, написана статья Герцена о Роберте Оуэне.

В 1905 г. Толстой получил все десять томов собрания сочинений Герцена, выпущенного в Женеве издательством Н. Georg. Общественно-политические события того времени в России, — надвигавшаяся революция, — способствовали усилению в Толстом интереса к сочинениям Герцена. Подробнейшая летопись жизни

Толстого с 1905 по 1910 г. — «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого, из которых до сих пор издана очень незначительная часть, рассказывают об усиленном чтении Толстым Герцена летом и осенью 1905 г. Под 15 июля 1905 г. Маковицкий записывает следующие слова Толстого⁷³:

— Герцен был самобытный. Кончил славянофильством. Прошел через все то, что теперь делают революционеры, и к концу — нравственное совершенствование, уважение к русскому народу... Его писания меткие, блестящие, сверкают юмором... Если бы не дурацкое отношение правительства к Герцену, не было бы половины того революционного движения, какое было и есть.

26 июля Толстой предложил прочесть вслух рассказ Герцена «Долг прежде всего», сказав при этом:

— Ничего подобного нет в русской литературе. «Кто виноват?» — робкое, а это — бойкое.

Вечером того же дня Толстой «растроганным голосом» прочел первую часть этого рассказа, сказав:

— Эта первая глава — превосходная, удивительная. Вот что читать теперешней молодежи.

Вторую главу Толстой не стал читать, сказав, что «далее скабрено».

29 июля Маковицкий записывает: «Вечером читали вслух Герцена «Доктор, умирающие и мертвые». Первую главу прочел А. Б. Гольденвейзер, остальные — Лев Николаевич. Он читал медленнее, чем обыкновенно, и с большим воодушевлением».

В записи следующего числа, 30 июля, у Маковицкого читаем: «Лев Николаевич прочел какой-то рассказ Герцена, начинающийся воспоминанием детства, и сказал:

— Герцен и Тургенев — сверстники, их воспоминания доходят до времен Екатерины, наши — до Александра. Все это удивительно хорошо и просто рассказано. Здесь, несомненно, идет речь об одной из первых глав «Былого и дум».

31 июля Маковицкий записывает: «Лев Николаевич прочел нам из Герцена с юмором написанную характеристику революционеров (профессиональных). Смеялся на название Герценом революционеров консерваторами в революции.

— Точь-в-точь наши консерваторы либерализма, — сказал Лев Николаевич. — Они набрались европейского духа и остановились».

Под 14 августа у Маковицкого записано: «Вчера ночью Лев Николаевич читал Герцена, хочет из него что-нибудь выбрать для «Круга Чтения». Сегодня Лев Николаевич сказал:

— Герцен не уступит Пушкину. Где хотите откройте, везде превосходно.

29 августа: «Лев Николаевич читал вслух Герцена.

— Он разочаровался в европейской цивилизации, — рассказывал Лев Николаевич, — и пришел к тому, что в России есть одно — общинное владение землей, взгляд на землю, что она не может быть частной собственностью, и другое — отсутствие косности во взглядах, искания, готовность принять новое. Герцен сорок лет тому назад видел главный вопрос русского народа — земельный... Герцен — это поэтическая натура и философская.

Лев Николаевич прочел вслух рассказ Герцена «Поврежденный» и восхищался им.

— В мыслях «поврежденного», — сказал Лев Николаевич, — Герцен высказывает свои мысли, которые он не берет на себя, чтобы прямо высказывать, а это так можно кидать необдуманно, смело. «Поврежденного» надо всего поместить в «Круг Чтения».

Потом Лев Николаевич, чередуясь с А. Н. Дунаевым, читал из Герцена о славянах и немцах».

В последней записи речь идет, вероятно, о статье Герцена «Война», напечатанной в № 44 «Колокола» от 1 июня 1859 г.⁷⁴

5 сентября Толстой читал вслух какую-то статью Герцена (у Маковицкого не сказано, какую именно) и по окончании чтения сказал:

— Как Герцен писал в 67 году! Как предвидел то, что будет!

В тот же вечер одна гостья по желанию Толстого прочла вслух статью Герцена «Император Александр I и В. Н. Каразин». На другой день, 6 сентября, Толстой предложил прочесть вслух из Герцена «два разговора в разное время разных лиц с Гете» (вероятно, из раннего рассказа Герцена «Записки одного молодого человека»). В тот же день он прочел вслух рассуждение об ученых из статьи Герцена «Концы и начала» и затем сказал про Герцена вообще:

— Какое уважение к духу русского народа и разочарование в западной цивилизации, где земельный пролетариат и священность собственности. Он вполне разочаровался. (Здесь Толстой почти буквально повторил то, что говорит Герцен о Западе в своей статье «Концы и начала»: «Перед нами цивилизация, последовательно развившаяся на безземельном пролетариате, на безусловном праве собственника над собственностью»⁷⁵).

Статья «Император Александр I и В. Н. Каразин» помещена в десятом томе женевого издания сочинений Герцена. В том экземпляре, по которому Толстой читал эту статью, он отчеркнул карандашом на полях два места. Первое (стр. 136—137) изображает атмосферу русской придворной жизни: «Кровь отравлена в жилах до рождения, воздух, которым тут дышат люди, тлетворен, каждый вступающий вовлечен, хочет он или нет, в омут нелепостей, гибели, греха. Пути ко всему злему раскрыты во всю ширь. Добро невозможно. Горе тому, кто остановится и подумает, кто спросит себя, что он делает, что делают вокруг его, — он сойдет с ума; горе тому, кто в этих стенах допустит человеческое чувство в своем сердце, — он сломится в борьбе». Другое место (стр. 189) — то, в котором Герцен упрекает русскую интеллигенцию в незнании народа и пренебрежительном отношении к укладу его жизни: «Мы делаемся легко и последовательно либералами, конституционалистами, демократами, якобинцами, но не русскими народными людьми» и т. д.

В том же томе Толстой отметил целый ряд мест в статьях «Концы и начала». Кроме выписанного выше места о западной цивилизации (стр. 215), им отмечены еще места об идейном одиночестве автора (218), о «святых Дон-Кихотах» (223—224), о «мучительном сознании ненужной правоты своей» и «величайшей скорби в мире — старца, юного душою, окруженного более и более мельчающим поколением» (224—225), о том, что «в мозгу современного человека недостает какого-то рыбьего клея» (231), о том, как «садится» западный мир с Парижем и Лондоном (232), о бесплодном согласии с мыслью, не переходящем в дело (234), об ученых науках и ученых пчелах (236—237), о том, что несмотря на все варварство русских, на то, что «у нас бездна лукавства диких и уклончивости рабов», мы все-таки «отстали в развещающей, наследственно-зараженной тонкости западного растения», и что у нас «умственное развитие служит чистилищем и порукой» (240—241), о значении нашествия варваров на древний мир (250), о жизни «вверху» и «внизу» (т. е. о жизни привилегированных классов и народа) (251), о том, что «честный союз науки с религией невозможен»⁷⁶ и о господствующем в буржуазном обществе правиле: «думай, как знаешь, но лги, как все» (253), о «языческом патрилизме» и «чести знамени» (255), о несовместимости «гусарской удалости» с «ровным и тихим развитием» (263). Кроме того отмечено № следующее рассуждение Герцена (стр. 248): «Для меня очевидно, что западный мир доразвился до каких-то границ... и в последний час у него не достает духа ни перейти их, ни довольствоваться приобретенным. Тягость современного состояния основана на том, что на сию минуту деятельное меньшинство не чувствует себя в силах ни создать формы бытия, соответствующего новой мысли, ни отказаться от старых идеалов, ни открыто принять выработавшееся по дороге мещанское государство за такую соответствующую форму жизни германо-романских народов, как соответственная китайская форма — Китаю».

В том же томе в статье «Лишние люди и желчевики» на стр. 300 подчеркнута рассуждение Герцена о пропасти между народом и правящими классами в России: «Петр I таким клином вбил нам просвещение, что Русь не выдержала и треснула на два слоя. Едва теперь, через полтора века, мы начинаем понимать,

как раздвинулась эта трещина. Ничего общего между ними; с одной стороны — грабеж и презрение, с другой — страдание и недоверие. С одной стороны — ливрейный лакей, гордый своим общественным положением и надменно показывающий это; с другой — обобраный мужик, ненавидящий его и скрывающий это. Никогда турок, резавший, удививший женщин в гаремы, не теснил так систематически и не презирал так надло франка и грека, как шляхетская Русь — Русь крестьянскую. Нет примера в истории, чтобы единоплеменная каста, взявшая верх, сделалась бы до такой степени чужестранной, как наше служилое дворянство».

Ряд отчеркнутых Толстым мест имеется также в других статьях этого тома: «Aphorismata», «Еще раз Базаров» и особенно в статье «Княгиня Екатерина Рома-

парламентской болтовни, не въ филантропических раз-
глагольствованийъ, а на самомъ дѣлѣ — пролетарій
работникъ съ торжествъ и черными рукавицами, голый и
едва одѣтый рубищемъ. Этого несчастнаго, обделан-
наго братца, о которомъ столько говорили, котораго такъ
жалели, спросить наконецъ, гдѣ же его люди на цѣль
благотѣ, въ чемъ его свобода, его равенство, его брат-
ство? Либералы увидѣли въ деревнѣ и абсолютности
работника, вѣдали постоупать улицы Париза, соверша-
ющаго туземными и спрятались отъ брани за штанами осад-
ного полковника, спасая цивилизацію и порядок!»

Они правы, только они неосторожны. Зачѣмъ-
же они прежде подлачивали монархію? Какъ же они
не поняли, что уничтожая монархическій принципъ,
революція не можетъ остановиться на томъ, чтобы вы-
толкнуть за дверь какую-нибудь династію. Они ратова-
лись какъ дѣти, что Людовика Филиппа не успѣлъ
добхать до С. Клу, а ужъ въ Hôtel de Ville явилось
новое правительство и дѣло пошло своимъ чередомъ;
въ то время какъ эта легкость переворота должна имъ
была показывать несуществованіе его. Либералы были
удовлетворены. Но народъ не былъ удовлетворенъ, но
народъ воцарялъ теперь свой родокъ, онъ повторялъ ихъ
слова, ихъ обѣщанія а они какъ Петръ троскратно
отрѣпались и отъ словъ и отъ обѣщанія, какъ только
увидали, что дѣло идетъ не на шутку — и надали убій-
ства. Такъ Лотаръ и Кальвинъ топили *акантинговъ*,
такъ Протестанты отрѣпались отъ Георга, и Ревельцы
отъ Феберибаха. Только положеніе *революціонеровъ* вооб-
ще, они собственно преводить только поитомъ, по ко-
торому, увлеченные ими народъ переходитъ съ одного
берега на другой. Для нихъ дѣтъ средъ лучше какъ
конституціонное смрачное иго-то, ии-се. И въ этомъ-то

яръ словареній, ридора, непрямыхъ противорѣ-
чій, не забывала его, хотѣли эти сумасные люди осуще-
ствить свои *desiderata* свободы, равенства и братства.

Формы европейской гражданственности, ея индвиду-
альности, ея добро и зло развиты по другій ступени,
развивались изъ инстинктовъ, естественныхъ до инстинк-
тивныхъ. До нѣкоторой степени формы эти, какъ
же живое, были индивидуальны, но такъ все живое инди-
видуальное до *индивидуальной* степени, организмы не могутъ воспри-
имчивости, отклоняться отъ назначенія, прилаживаться
къ влиянію до тѣхъ поръ, пока отклоненія не отри-
цаютъ его особенности, его индивидуальности, то что со-
ставляетъ его личность; какъ скоро организмы аспри-
чаютъ такого рода влияния, дѣлается борьба и органи-
змъ не выдерживаетъ или гибнетъ. Якобы смерти въ
томъ и состоитъ, что составныя части организма по-
лучаютъ иную цѣль, онъ не пропадаетъ, пропадаетъ
личность, а онъ вслѣдуетъ въ рядъ составъ другихъ
организмовъ, явлений.

Государственный формы Франція и другихъ европей-
скихъ державъ — не соразсны по внутреннему своему
понятію ни съ свободой, ни съ равенствомъ, ни съ
братствомъ, первое осуществленіе этихъ идей будетъ
отрицаніемъ современной европейской жизни, ея смер-
тью. Никакая конституція, никакое правительство не въ
состояніи дать феодально-монархическимъ государствомъ
истинной свободы и равенства — не разрушая до тѣхъ
же феодальное и монархическое. Европейская жизнь,
христіанская и аристократическая, образовала нашу
цивилизацию, нашу политку, нашу бытъ; ея необходима
христіанская и аристократическая среда. Среда эта
могла развиваться сообразно съ духомъ времени, съ
степенью образованія, сохраняя свое существованіе, и

Пометы Толстого в пятом томе первого русского издания сочинений Герцена

Толстовский музей, Москва

ковна Дашкова». В последней статье отмечено много подробностей, касающихся русской придворной жизни XVIII столетия. Так как Толстой читал этот том Герцена в сентябре 1905 г., а в ноябре того же года он начал свои оставшиеся, к сожалению, незаконченными «Посмертные записки старца Федора Кузьмича», то очевидно, что такого рода пометы делались им в виду своей будущей повести. Весьма вероятно, что и самая мысль об осуществлении давно задуманного им сюжета об Александре I родилась у Толстого именно благодаря чтению этой статьи Герцена.

В той же статье Толстым, кроме того, были еще отчеркнуты места о мнимо несокрушимости императорской власти в России (стр. 315) и о действительной непрочности ее (316), а также суждение Дашковой о реформах Петра и мнение самого Герцена о губительности семейных несчастий (372): «Семейные несчастья оттого так глубоко подтачивают, что они подкрадываются в тиши и что борьба с ними почти невозможна; в них победа бывает худшее. Они, вообще, похожи на

яды, о присутствии которых узнаешь тогда, когда болью обличается их действие, то-есть, когда человек уже отравлен». Для Толстого, как и для Герцена, рассуждение это имело не только отвлеченный, но и кровный личный интерес.

24 сентября 1905 г. В. В. Стасов писал Толстому о том, что он очень радуется выходу в свет в России сочинений Герцена (в издании Павленкова) и прибавлял: «Если бы у Герцена ничего другого не было написано, кроме «Роберта Оуэна» и «С того берега», то одно уже это было бы для меня чем-то громадным и беспредельным, греющим и животворящим»⁷⁷. Толстой отвечал Стасову 18 октября: «Ваше упоминание о Герцене побудило меня перечитать «С того берега». И я благодарю вас за это напоминание»⁷⁸. 12 октября Толстой записывает в дневнике: «Читал и Герцена «С того берега» и тоже восхищался. Следовало бы написать о нем — чтобы люди нашего времени понимали его. Наша интеллигенция так опустилась, что уже не в силах понять его. Он уже ожидает своих читателей впереди. И далеко над головами теперешней толпы передает свои мысли тем, которые будут в состоянии понять их»⁷⁹.

Этот восторженный отзыв Толстого об одном из главнейших произведений Герцена вполне подтверждается его пометками на том экземпляре пятого тома женевского издания Герцена, по которому он читал это сочинение. Отметки Толстого трех видов: 1) подчеркивания и отчеркивания; 2) знак №, иногда вместе с восклицательным знаком; 3) пометки на полях. Начнем с последних.

Пометки на полях указывают устанавливаемое Толстым сближение взглядов Герцена с его собственными взглядами. Быть может, пометки эти были сделаны Толстым в виду той статьи о Герцене, которую он, как мы видели из его записки в дневнике, хотел написать, но не написал. Пометки эти следующие.

Стр. 17 (против слов: «я искал только истины, посильного понимания»): «внутреннее знание». Стр. 18—19 (против длинного рассуждения, начинающегося словами: «Наша жизнь — постоянное бегство от себя»): «Паскаль» (Толстой, очевидно, хотел указать на подобное же высказывание его любимого мыслителя Паскаля в его «Мыслях»). Стр. 20—22 (против слов: «Страдание, боль — это вызов на борьбу» и до конца абзаца): «устройство мира». Стр. 23 (против слов: «Какое колдовство нужно на то, чтобы растолковать людям, что они сами виноваты в том, что им так скверно жить» и т. д.): «как растолковать». Стр. 23—24 (против слов: «Все эти учения и проповеди по большей части неверны» и до конца абзаца): «забегали вперед оттого, что не внутри, а вне». Стр. 25 (против слов: «нет причины думать, что новый мир будет строиться по нашему плану»): «не по нашему плану». Стр. 26 (против слов: «Верим во все, не верим в себя; вы ищите найти знамя, а я ищущу потерять его; вы хотите указку, а мне кажется, что в известной возраст стыдно читать с указкой»): «Все внутри». Стр. 27 (против слов: «Судьба молодых людей... спасая себя, вы спасете будущее»): «Живите для себя — религиозно». Стр. 29 (отчеркнута вся): «Они мечтали о внешнем» (речь идет о Руссо и его учениках). Стр. 30—31 (против слов: «Впрочем, цивилизации не гибнут» и до конца абзаца): «изменится цивилизация». В этом же абзаце в фразе: «ближайшее будущее Рима прозябало на других пажихах — в катакомбах, где прятались гонимые христиане, в лесах, где кочевали дикие германы» подчеркнуты слова: «катакомбах, где прятались гонимые христиане». Стр. 34 (против слов: «она ничего личного, индивидуального не готовит впрок» и до конца абзаца): «Все в настоящем». Стр. 36—37 (против слов: «Цель для каждого поколения — оно само» и до конца абзаца): «В настоящем духовное». Стр. 37 (против слов: «Одностороннее развитие всегда влечет за собою avortement других забытых сторон... Она стала для нас невыносима»): «Уродство наше. Ниже, в этом же абзаце, на полях помечено: «Поврежденный» (т. е. Толстой находил сходство изложенных здесь Герценом мыслей с его же мыслями в рассказе «Поврежденный») и подчеркнуты слова: [человек] «одной ногой совсем вышел из естественного быта — сделал он это потому, что он свободен». Стр. 38 (против отчеркнутых 1—21 строки): «Жизнь в том, что она творится». Стр. 49 (против предложения: «Пора человеку потребовать к суду: республику, законодательство, представительство, все понятия о

гражданин и его отношениях к другим и к государству»: «Одно разумное». Стр. 51 (против первого абзаца): «Ламене» (о котором здесь упоминает Герцен). Стр. 54 (против слов: «Мне было жаль их откровенное заблуждение» и до конца страницы): «Несостоятельность государственных форм». В этом абзаце, кроме того, подчеркнуто: «будут, как теперь, ждать всякий день огромной перемены, всдворения и х республики — принимая предсмертные муки умирающего за страдания, предшествующие родам».

Знаком № отмечено всего восемнадцать мест. Они следующие.

Стр. 28: «Вильям Пенн вез с собою старый мир на новую почву; Северная Америка — исправленное издание прежнего текста, не более. А христиане — в Риме перестали быть римлянами — этот внутренний отъезд полезнее» (последняя фраза, кроме того, подчеркнута). Стр. 35: «Для меня легче жизнь, а следовательно и историю считать за достигнутую цель, нежели за средство достижения». Стр. 50: «Все элементы разрушающейся вещи являются во всей жалкой нелепости, во всем отвратительном безумии своем. Что вы уважаете? Народное правительство, что ли? Кого вам жаль — может быть Париж?» (речь идет о подавлении революции 1848 г.). Стр. 55: «Они не могут выйти из старых форм, они их принимают за какие-то вечные границы, и оттого их идеал носит только имя и цвет будущего, а в сущности принадлежит миру прошедшему, не отрешается от него. Зачем они не знают этого? Роковая ошибка их состоит в том, что увлеченные благородной любовью к ближнему, свободе, увлеченные нетерпением и негодованием, они бросились освобождать людей прежде, нежели сами освободились, они нашли в себе силу порвать железные, грубые цепи, не замечая того, что стены тюрьмы остались. Они хотят, не меняя стен, дать им иное назначение, как будто план острога может годиться для свободной жизни». Здесь же подчеркнуты два куска текста: «не могут выйти... миру прошедшему» и «нетерпением и негодованием... стены тюрьмы остались». Далее на стр. 55—56 отмечены два абзаца, в которые входит и большая выдержка, ранее включенная Толстым в его трактат «Царство божие внутри вас». Многие строки здесь подчеркнуты; конец второго абзаца: «Это вопрос безумного, скажут многие. Его делал Христос иными словами» — подчеркнут и отмечен на полях № с восклицательным знаком. Стр. 58: «Этот «несчастный, обделенный брат», о котором столько говорили, которого так жалели, спросил, наконец, где же его доля во всех благах; в чем его свобода, его равенство, его братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли приступом улицы Парижа, покрыли их трупами и спрятались от брата за штыками осадного положения, спасая цивилизацию и порядок». Стр. 58: «конституционное сумрачное ни то, ни се» (эти слова, кроме того, подчеркнуты). Стр. 58—59: «И в этом-то мире словопрений, раздора, непримиримых противоречий, не изменяя его, хотели эти суетные люди осуществить свои *ria desideria* свободы, равенства и братства». Стр. 59: «Государственные формы Франции и других европейских держав несовместны, по внутреннему своему понятию, ни с свободой, ни с равенством, ни с братством, всякое осуществление этих идей будет отрицанием современной европейской жизни, ее смертью. Никакая конституция, никакое правительство не в состоянии дать феодально-монархическим государствам истинной свободы и равенства — не разрушая дотла все феодальное и монархическое». Этот отрывок отмечен № с двумя восклицательными знаками, и весь абзац до конца страницы отчеркнут карандашом с двух сторон. Продолжение этого абзаца на стр. 60 отмечено двумя последовательно проставленными знаками №, причем, кроме того, подчеркнуто: [люди] «нигде не могут быть свободны и равны, пока существует эта гражданская форма, пока существует эта цивилизация». Стр. 60—61: «Нам еще жаль старый порядок вещей, кому же и пожалеть его, как не нам. Он только для нас и был хорош, мы воспитаны им, мы его любимое детище, мы сознаемся, что ему надобно умереть, но не можем ему отказать в слезе». Стр. 65 (Герцен говорит о будущих народных движениях): «Или вы не видите новых христиан, идущих стран, новых варваров, идущих разрушать? — они готовы, они как лава тяжело

шевелился под землю, внутри гор. Когда настанет их час — Геркуланум и Помпея исчезнут, хорошее и дурное, правый и виноватый погибнут рядом. Это будет не суд, не расправа, а катаклизм, переворот» (все продолжение этого абзаца подчеркнуто). Стр. 76 — от начала второго абзаца до слов «нет целей шире»; здесь, кроме того, подчеркнуто: «почему вы думаете, что народ именно должен исполнять вашу мысль, а не свою, именно в это время, а не в другое? Уверены ли вы, что средство, вами придуманное, не имеет неудобств; уверены ли вы, что он понимает его, уверены ли вы, что нет другого средства, что нет целей шире?» Стр. 80: «Однако, не мешало бы сказать, что я стремлюсь сохранить, в чем именно вы находите мой революционный консерватизм» (отмечено Толстым, повидимому, из-за выражения: «революционный консерватизм»). Стр. 81 — от начала первого абзаца, кончая: «надобно понимать, а не слезы». Стр. 83 — от слов: «Не вы ли мне рассказывали» до конца абзаца. Стр. 85: «Теперь начинают понимать несовместность братства и равенства с этими капканами, называемыми асизами, свободы и этих бойнь, под именем военно-судных комиссий; теперь никто не верит в подтасованных присяжных, которые решают в жмурки судьбу людей, без апелляции; в гражданское устройство, защищающее только собственность, ссылающее людей в виде меры общественного спасения, содержащее хоть сто человек постоянного войска, которые, не спрашивая причины, готовы спустить курок по первой команде. Вот польза реакции. Сомнения бродят, занимают умы, заставляют задумываться; а не легко было дойти до них». Стр. 85: «Европа догадалась, благодаря реакции, что представительная система — хитро придуманное средство перегонять в слова и бесконечные споры общественные потребности и энергическую готовность действовать». Стр. 89: «Демократия не может ничего создать, это не ее дело, она будет нелепостно после смерти последнего врага; демократы только знают (говоря словами Кромвеля), чего не хотят; чего они хотят, они не знают». (Все это предложение Толстым подчеркнуто, отчеркнуто на полях и снабжено № с восклицательным знаком).

Наконец, в книге имеется целый ряд мест, отчеркнутых Толстым на полях карандашом без каких-либо других пометок. Из них мы остановимся лишь на следующих. На стр. 33 в фразе: «Он сердится на жизнь, видя, что в пятьдесят лет нет той свежести чувств, той звонкости их, как в двадцать» — подчеркнуто слово «звонкости»; Толстой, очевидно, отметил здесь удачный художественный образ. На стр. 61 обведено карандашом со всех сторон: «Наша цивилизация — цивилизация меньшинства, она только возможна при большинстве чернорабочих». На стр. 62 отчеркнуто карандашом со всех четырех сторон следующее рассуждение: «Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколений, едва догадывалось, отчего ему так ловко жить; пока большинство, работая день и ночь, не совсем догадывалось, что вся выгода работы для других, и те и другие считали это естественным порядком, мир антропофагии мог держаться. Люди часто принимают предрассудок, привычку за истину — и тогда она их не теснит: но когда они однажды поняли, что их истина вздор, дело кончено, тогда только силою можно заставить делать то, что человек считает нелепым». Всю эту мысль деликом Толстой впоследствии включил в свой сборник «Круг Чтения»⁸⁰. На стр. 77 подчеркнуто: «Я согласен, что пора выходить из нашей искусственной, условной жизни, но не бегством в Америку. Что вы там найдете? Северные Штаты — последнее, опрятное издание того же феодально-христианского текста, да еще в грубом английском переводе». На стр. 143 отчеркнуто на полях двумя чертами: «Когда бы люди захотели, вместо того, чтобы спасать мир, спасти себя, вместо того, чтоб освобождать человечество, себя освобождать — как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человека». Это изречение Герцена Толстой также включил в свои сборники: «Круг Чтения»⁸¹ и «На каждый день»⁸².

Кроме этих мест, отчеркнутые Толстым куски имеются еще на следующих страницах: 34 (последний абзац), 35 (второй и шестой абзацы), 36 (от слов: «Утомленные падают» до конца), 39 (3 первые строки и четвертый абзац), 41 (2 первые строки), 42 (абзацы первый, второй и четвертый), 48 (первые 9 строк и далее от

слов: «между тем люди» до «террора и логики»), 61 (вся страница), 62 (вся страница), 63 (два первые абзаца), 77 (строки 3—8), 79 (последние 11 строк), 80 (первые 9 строк, а также второй и третий абзацы снизу), 82 (строки 4—19), 85 (почти целиком), 87 (от слов: «С обеих сторон рабство» — до конца), 88 (первые 4 строки, второй абзац и последние 4 строки; в них подчеркнута: «недоношенная демократия»), 90 (до первого абзаца), 91 (строки 2—8), 93—94 (от слов: «Ответственность скорес» до «не понимать и казнить»), 94—96 (от слов: «Презирать за то» до конца 96 стр.), 97 (от слов: «Ищите в таком случае» до конца абзаца), 98 (первые 11 строк), 99 (последние 9 строк), 102—103 (от слов: «Кому придет в голову», кончая: «за преступление гениальности»), 103 (строки 2—9 снизу), 107 (последние 15 строк), 115—116 (от слов: «в четыре столетия борьбы», кончая: «освобождающее человека»), 142—144 (от слов: «Я не говорю», кончая: «которые называют преступлениями»), 147 (строки 4—8), 168 (от слов: «Наконец маски упали», кончая: «стреляй в твоего ближнего»). Мы не излагаем более подробно всех этих мест, так как из описанных выше пометок Толстого вполне ясно, какие именно мысли Герцена в этих статьях особенно привлекали его внимание.

Пометки Толстого, относящиеся к статьям «С того берега», не оставляют сомнения в том, что многие в этом произведении Герцена он считал близким его собственным взглядам. Ни разу не отмечено им несогласие с Герценом. Это подтверждается также и следующей записью Д. П. Маковницкого под 9 октября 1905 г.: «Лев Николаевич... сказал, что Герцен в статьях «С того берега»... говорит то, что должны бы читать в наше время; но Герцена не знают... У Герцена уже можно прочесть о том, что внешнее движение — тщетное, только внутренней работой освобождается человек. У Герцена только другие слова: вместо бог у него — «природа», вместо религия — «наука», вместо церковь — «христианство...»⁸³.

В том же пятом томе женевакого издания Герцена, где напечатано «С того берега», помещена также статья «Русский народ и социализм». Здесь Толстым отмечены следующие места. На стр. 195 — первый абзац — о значении общины; на стр. 196 — третий и четвертый абзацы — характеристика русского царизма; на стр. 203: «После крестьянского коммунизма ничего так глубоко не характеризует Россию, ничто не предвещает ей столь великой будущности, как ее литературное движение». На стр. 208—209 — сравнение русских законов с западноевропейскими («Различие между вашими законами и нашими указами заключается только в главной формуле» и т. д.). На стр. 211: «День действия, может быть, еще далеко для нас; день сознания, мысли, слова уже пришел. Довольно жили мы в сне и молчании; пора нам рассказывать, что нам снилось, до чего мы додумались». На стр. 203 отчеркнуто и отмечено №: «Крестьянин никогда не мараеется об этот мир правительственного цинизма; он терпит его существование — в этом его единственная вина» (в этих словах Герцена Толстой, очевидно, увидал подтверждение своего взгляда о сознательном «неучастии» русского народа во власти). На стр. 208 также отчеркнуто и отмечено № следующее место: «И можем ли мы по совести довольствоваться вашею изношенной нравственностью, не христианскою и не человеческою, существующей только в риторических упражнениях и в прокурорских докладах?»

Далее в статье «Крещеная собственность» на стр. 234 Толстой отмечает три абзаца, первый из которых начинается словами: «Мне всякий раз становится не по себе, когда говорят о народе. В наш демократический век нет ни одного слова, которое бы так мало понимали и так употребляли во зло». На стр. 236 отмечены последние 14 строк — рассуждение о том, что было бы, если бы крестьяне были освобождены без земли. На стр. 237 (три последние абзаца) и 238 (два первые абзаца) отмечено сравнение психологии «пролетария полей» и «работника больших торговых и политических центров», а далее — рассуждение о значении общины; на стр. 240 (два последних абзаца) и 241 (до первого абзаца) — сравнение Запада с Россией; на стр. 243 — первый абзац: о значении общины; на стр. 246 — сельской абзац: о раздаче Екатериной крепостных крестьян своим любовникам. На стр. 241 подчеркнута: [англичанину], «которого свобода основана на вежливой антропофагии»,

[и русскому мужику] «отданному в крепость и в силу того служащему съестным припасом барину».

Наконец, в статье того же тома «Старый мир и Россия» отмечены следующие места. Стр. 253 от слов: «Мне кажется, что роль теперешней Европы совершенно окончена; с 1848 года разложение ее растет с каждым шагом» — до конца следующей страницы, на которой подчеркнуто: «Все отношения общества к частным лицам и частных лиц между собой должны быть совершенно изменены»; на стр. 256 абзацы 2—6 — сравнение России и Европы; на стр. 257 от второго абзаца до конца — о судьбах славянских народов; на стр. 256: «Действительно, ежели социализм не в состоянии будет пересоздать распадающееся общество и довершить его судьбы — Россия довершит их. Я не говорю, что это необходимо — но это возможно»; на стр. 277 абзацы третий и четвертый — о славянских народах; на стр. 278 — до второго абзаца и 279 — до первого абзаца: о будущем развитии России; на стр. 289: «Освобождение крестьян, дело столь простое в прочих государствах, невозможно у нас без уступки крестьянам земли; а освобождение с землей — лишение значительной собственности дворянства»⁸⁴.

В октябре 1905 г. Толстой читал «Письма из Франции и Италии». У Д. П. Маковицкого под 22 октября 1905 г. записано: «Лев Николаевич читал вслух из «Писем из Франции и Италии» Герцена письмо одиннадцатое (IV том сочинений Герцена, изд. Georg). По поводу прочитанного Лев Николаевич сказал:

— Как Герцен полвека тому назад писал о том, что теперь лужаю! ...Под «социалистом» он понимал не что-нибудь определенное, вроде нынешних социал-демократов, но человека, который видит несправедливость экономического положения и хочет равенства.

Особенно понравилось Льву Николаевичу следующее место (стр. 339): «Уничтожение авторитета — начало республики. Первое условие ее — свободные и самобытные люди; авторитет убивает независимость разума. Республике нет нужды в других началах, как в необходимых началах всякого общежития; она основана на тех существенных и необходимых условиях, без которых всякое общество делается невозможным» и т. д.

— Письмо это Герцен писал после переворота Кавеньяка, — сказал Лев Николаевич. — Герцен говорил про свободных людей пятьдесят лет тому назад: а теперь они воображают себя свободными, добывая права выбирать представителей; готовы подчиняться всем тем законам, которые издадут избранные ими представители, не зная вперед, какие это будут законы. Они, связанные законами по рукам и по ногам, воображают себя свободными!..

Читая Лев Николаевич быстро и выразительно. Читая Герцена, он высказал и свою мысль, что как Герцен пишет, что в 1789 году нельзя было быть гугенотом, а в 1848 — республиканцем, так и в 1905 [г.] нельзя быть конституционалистом»⁸⁵.

В тексте «Писем из Франции и Италии» Толстым отмечено только одно место (стр. 342—343): «Нас пугает воля, оттого что мы боимся людей, мы их считаем несравненно хуже, нежели они есть — к этому нас приучила монархия» и т. д. до конца следующего абзаца.

28 октября, как это записано у Маковицкого, Толстой второй раз читал вслух «Поврежденного». «Читая то место, — рассказывает Маковицкий, — где Герцен говорит о народе, что это — настоящее человечество («То, что вы называете толпой, это-то и есть человеческий род»), у Льва Николаевича к горлу подступали рыдания.

— Есть основание той жизни, к которой народ привык, — сказал он.

По словам Маковицкого, Толстой выразил намерение поместить «Поврежденного» с некоторыми выпусками в свой сборник «Круг Чтения», и написать к нему предисловие. (Включив этот рассказ в «Круг Чтения», Толстой в корректурах произвел в нем большие сокращения. Он выпустил целиком первую и последнюю главы; из главы второй выпустил 6 абзацев, а из главы третьей — 14 абзацев. По словам А. Б. Гольденвейзера, Толстой находил, что в этой вещи «конец слабее остального — искусствен и сантиментален»⁸⁶. Очевидно, с такой оценкой рассказа и связана произведенная Толстым правка.

На другой день, 29 октября, читая уже не Герцена, а другого писателя — декабриста М. А. Фонвизина, Толстой все-таки вспомнил Герцена. Он сказал:

«— Как Герцен прав, отзываясь с таким уважением о декабристах!.. Как они относились к народу!.. Они как и мы (Лев Николаевич упомянул и Кропоткина) через нянек, кучеров, охотников полюбили народ...»⁸⁷.

Усиленное чтение Герцена нашло отражение и в переписке Толстого этого периода. Так, в письме к дочери М. Л. Оболенской от 15 октября 1905 г., высказав свое отрицательное отношение к русской беллетристике того времени, Толстой прибавляет: «То ли дело Герцен, Диккенс, Кант»⁸⁸. В письме к В. В. Стасову от 24 декабря 1905 г., отвечая на его вопрос о греческом искусстве, Толстой вспоминает отношение к греческому искусству Герцена, называя его при этом «наш дорогой Герцен»⁸⁹.

12 августа 1906 г. Толстой опять высказывает мысль о том, что «для России большое несчастье, что Герцен не жил здесь и что писания его проходили мимо русского общества. Если бы он жил в России, его влияние, я думаю, спасло бы нашу революционную молодежь от многих ошибок»⁹⁰.

В своей статье «О значении русской революции», подписанной им 3 сентября 1906 г., Толстой, говоря о ложности того пути, по которому, по его мнению, идут народы Западной Европы, с сокрушением указывает на то, что «голоса живших среди них мудрых людей... не оставляют никакого следа в сознании людей, бегущих к погибели и не желающих видеть и признавать этого». Он перечисляет целый ряд таких «мудрых людей», называя среди них и Герцена.⁹¹ В письме к В. В. Стасову от 20 сентября 1906 г., высказав свое отношение к русской революции, Толстой прибавляет: «Тот Герцен, которого вы так любите, наверно был бы согласен со мною»⁹². В письме к китайскому писателю Ку-Хунг-Мингу, законченном около 24 сентября 1906 г., Толстой вновь вспоминает изречение Герцена о «Чингис-хане с телеграфами»⁹³.

17 октября 1906 г. в разговоре со своим английским переводчиком и биографом Э. Моодом Толстой, по записи Д. П. Маковицкого, сказал:

«— Герцен — вот писатель, который был скрыт от русского общества, а теперь всплыл. На нем, как на даровитом, искреннем человеке, видна эволюция передового человека. Он поехал на Запад, думая, что найдет там лучшие формы. Там перед его глазами прошли революции, и у него появилось разочарование в западном строе и особенная любовь и надежда на русский народ. Правильно ли это или нет, но у него была эта надежда. Русские политики могли бы с него пример брать, чтобы не повторять той же ошибки увлечения западными реформами... Он был в глубине религиозный...»

В декабре 1907 г. Толстой получил статью о Герцене своего единомышленника В. А. Лебрена, содержащую ряд сочувственных Толстому цитат из Герцена. Вечером 3 декабря он, по запискам Маковицкого, читал вслух из этой рукописи мысли Герцена о русской общине, об «ортодоксальности демократизма, консерватизме революционеров и о либеральных журналистах» и о подавлении европейских революций военной силой. Маковицкий спросил Толстого, не напишет ли он предисловие к статье Лебрена. Толстой ответил, что желал бы написать. 22 декабря того же года Толстой с приехавшими из Москвы гостями опять заговорил об этой статье и сказал про Герцена:

«— Как его мало знают и как его, особенно теперь, полезно знать. Вот и трудно воздержаться от негодования против правительства — не за то, что оно собирает подати, а за то, что оно изъяло Герцена из обихода русской жизни, устранило то влияние, которое он мог иметь...»

Несмотря на то, что Толстой в январе 1908 г. опять говорил, что он намерен написать предисловие к статье Лебрена⁹⁴, предисловия этого он не написал, и статья Лебрена напечатана не была.

Летом 1908 г. Толстой получил от В. Е. Чешихина (Ч. Ветринского) его новую книгу: «А. И. Герцен» (изд. «Светоч»). Он с интересом принялся за ее чтение. Однако, несмотря на то, что во многих местах книги он мог прочесть самое высо-

кое о себе мнение (например, что Герцен близок «с таким же революционным в существе своем умом, как у Льва Толстого» (стр. 140), что «донныне смелый скептицизм Герцена не превзойден ни одним русским писателем, только Лев Толстой идет рядом с ним, подрывая самые глубокие основы традиции и отживающего социального строя» (стр. 217), что Герцен, Толстой и Гете «не могли примкнуть к заставшей доктрине» (стр. 230 и др.), книга Ветринского все-таки не удовлетворила Толстого. «Читал о Герцене. Автор — узкий социалист», — записал он в своем дневнике 17 июня 1908 г.⁹⁵ 19 июня он кончил чтение⁹⁶.

Толстой отметил в книге Ветринского целый ряд приводимых автором выдержек из Герцена: на стр. 141—142 — из статьи «Капризы и раздумья», на стр. 224 и 228 — из «С того берега», на стр. 225—226 — из «Писем из Франции и Италии», на стр. 434—435 — из «Писем к старому товарищу». На стр. 220 отчеркнуты те самые мысли из статьи Герцена «Роберт Оуэн», которые в 1861 г. вызвали возражения Толстого (в сознательном изменении людьми «узора ковра» мировой истории).

Секретарь Толстого Н. Гусев в своем дневнике под 10 июня 1908 г. записал о том, как утром этого дня он прочитал Толстому из книги Ветринского (стр. 223—224) большую выдержку из Герцена, начинающуюся словами: «Наша жизнь — постоянное бегство от себя... с следующим заключением автора: «Ко скольким странницам Льва Толстого эти строки подошли бы в качестве самого выразительного эпиграфа!».

«У Льва Николаевича, — рассказывает Гусев, — блестели слезы на глазах, когда я, кончив чтение, взглянул на него, и он сказал:

«— Я помню, я это читал, но когда это вместе со всем остальным, его рассуждениями о своей жизни, это не производит такого впечатления; а нужно взять эту мысль отдельно, как бриллиант...»⁹⁷.

Впоследствии эта выдержка была включена Толстым в его сборник «На каждый день»⁹⁸.

Как это всегда бывало с Толстым в тех случаях, когда он читал что-нибудь такое, что его сильно захватывало и вызывало на размышления, чтение книги Ветринского нашло свое отражение в его разговорах и письмах. Так, 12 июня у него были два студента, увлекавшиеся философией Владимира Соловьева, к которой Толстой относился совершенно отрицательно. Рассказав своим домашним о разговоре с этими студентами, Толстой прибавил:

«— Людям нужно пройти известные этапы в жизни, которых они не могут миновать. Разумеется, такой человек, как Герцен, не проходит их; он скачет стремглав, он даже перескочит то место, где ему нужно остановиться»⁹⁹.

18 июня Толстой по поводу той же книги Ветринского так говорил о Герцене:

— Его все новые нигилисты бранили. Он был несчастлив и в личной жизни. Я на нем вижу, как ужасно в старости без религиозного чувства. Он с разных сторон, стараясь объяснить смысл жизни, подходил к религиозному сознанию, но он не пришел к нему. Вы не знаете продолжение «Доктора Крупова»¹⁰⁰? Очень сильно, остроумно, но с еще большим пессимизмом¹⁰¹.

В том же месяце Толстой получил письмо из Нижегородской губернии, от крестьянина И. М. Кокунина, который просил Толстого разъяснить ему следующий вопрос. В нашей деревне, — писал он, — уже несколько лет крестьяне разделились на две группы, которые собираются и спорят между собой по вопросу о том, от кого родится и какой вид будет иметь антихрист. Односельчане поручили ему за разрешением этого недоумения обратиться к Толстому¹⁰². Толстой продиктовал своему секретарю следующий конспект ответа на это письмо: «Лев Николаевич по случаю вашего письма вспомнил шутку Герцена, которая подходит как раз к этому случаю, так как для него вопрос об антихристе не существует». Здесь Толстой имел в виду, приведенную в книге Ветринского (стр. 122) выдержку из дневника Герцена от 8 января 1843 г. по поводу споров о преимуществах православия над католичеством: «Тип этих споров один: откуда ведьмы — из Киева или из Черни-

— Они оба, — говорил Толстой, — благодаря своему уму и силе непосредственного чувства, высказывали общечеловеческие истины, несмотря на то, что эти истины, казалось бы, идут вразрез у Герцена — с его взглядами политического деятеля известной партии, а у Шопенгауэра — с его философскими взглядами атеиста¹⁰⁶.

6 декабря 1909 г. Толстой заканчивает статью «Пора понять», первоначальное заглавие которой было — «Чингис-хан с телеграфами». В этой статье он говорит: «В настоящее время русское правительство находится вполне в том положении, с которым с ужасом говорил Герцен. Оно теперь тот самый Чингис-хан с телеграфами, возможность которого так ужасала его. И Чингис-хан не только с телеграфами, но и с конституцией, с двумя палатами, прессой и политическими партиями et tout le tremblement»¹⁰⁷.

Это любимое им изречение Герцена вспоминает Толстой и в своем письме к редактору газеты «Новая Русь» К. П. Славнину от 27 февраля 1910 г. Письмо было написано по поводу того, что Славнин был привлечен к суду за напечатание в своей газете выдержек из сборника Толстого «На каждый день» — о ирреданании в школах, так называемого, «закона божия». Высказав свое отношение к этому постановлению о предании Славнина суду по обвинению в «богохульстве», Толстой заканчивает письмо словами: «Извините, если, может быть, неточно отвечаю на ваш вопрос, но незатихающее негодование и ужас перед деятельностью царствующего в наше время Чингис-хана с телефонами и аэропланами, облакающего свои злодеяния в форму законности, — негодование это при всяком таком случае, как ваш, просится наружу»¹⁰⁸.

Это — последнее упоминание о Герцене в писаниях Толстого.

Общее отношение Толстого к Герцену в последние годы его жизни было таково, что все разногласия с Герценом в его молодые годы совершенно изгладились из его памяти, — он не помнил их. «Перед Герценом я всегда преклонялся», — говорил он в 1908 г.¹⁰⁹.

Герцен представлялся Толстому в известных вопросах его единомышленником, хотя и не вполне сознавшим свое единомыслие, идущим по одной с ним дороге к одной и той же цели. Толстой, разумеется, понимал, что у него «основы другие», чем у Герцена, как писал он Черткову 23 декабря 1901 г. Толстой, положивший в основу своего мирозерцания религиозный принцип и идею нравственного совершенствования, как мы видели, считал, что Герцен «с разных сторон стараясь объяснить смысл жизни, подходил к религиозному сознанию, но не подошел к нему». Но это не мешало Толстому находить в социальных взглядах Герцена — точнее, в том, что составляло слабую сторону мирозерцания Герцена, — нечто общее с своими взглядами и высоко ценить Герцена как художника и политического писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Ответ» Герцена на напечатанное в той же книжке «Полярной Звезды» не подписанное письмо. См. Герцен, т. VIII, стр. 292.

² Там же, стр. 277.

³ Там же, стр. 318.

⁴ Там же, стр. 508.

⁵ Герцен, т. IX, стр. 227.

⁶ Герцен, т. XX, стр. 152.

⁷ Герцен, т. XXI, стр. 33. Упоминаемые здесь лица: Василий Иванович Кельсиев (1835—1872), бывший эмигрант, получивший разрешение вернуться в Россию, автор книги «Пережитое и передуманное»; Мерчинский — один из русских эмигрантов, посещавших Герцена; Гата — дочь Герцена, Наталья Александровна.

⁸ Г. Данилевский, Поездка в Ясную Поляну, — «Исторический Вестник», 1886 г., № 3, стр. 531.

⁹ Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделе Толстовского музея.

¹⁰ А. Фет, Мои воспоминания, ч. I, М., 1892 г., стр. 105.

¹¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, Гослитиздат, т. 47, 1937 г., стр. 98. В дальнейшем ссылки всюду по этому изданию.

¹² «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». С объяснительными примечаниями М. Драгоманова, Женева, 1892 г., стр. 106.

¹³ Герцен, т. VIII, стр. 398.

¹⁴ «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», стр. 108.

¹⁵ Герцен, т. IX, стр. 9.

¹⁶ «Письма Л. Н. Толстого», собранные и редактированные П. Сергеенко, т. II, М., 1911 г., изд. «Книга», стр. 222 (письмо напечатано с неточностями).

¹⁷ Герцен, т. XI, стр. 43—44.

¹⁸ Там же, стр. 49.

¹⁹ Н. А. Тучкова-Огарева, Воспоминания, Academia, Л., 1929 г., стр. 294—296.

²⁰ А. Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого. Записи за 15 лет, изд. Центрального товарищества Кооперативного издательства и издательства «Голос Толстого», т. I, М., 1922 г., стр. 135.

²¹ П. И. Бирюков, Биография Л. Н. Толстого, т. I, 1923 г., стр. 194—195.

²² П. Сергеенко, Толстой и его современники, изд. В. М. Саблина, М., 1911 г., стр. 12—14.

²³ Проф. А. Г. Русанов, Воспоминания о Л. Н. Толстом, Воронежское областное издательство, 1937 г., стр. 166—167. Цитированное воспоминание здесь ошибочно датировано 1889 г.

²⁴ «Письма Л. Н. Толстого», собранные и редактированные П. Сергеенко, т. II, стр. 222.

²⁵ Иоахим Лелевель (1786—1861) — польский историк, профессор Виленского и Варшавского университетов, в 1830 г. член Временного правительства в Варшаве.

²⁶ Д. П. Маковецкий, Яснополянские записки, вып. I, изд. «Задруга», М., 1922 г., стр. 55.

²⁷ Н. Мендельсон, Герцен — Прудон — Толстой, — «Литературное Наследство», № 15, стр. 284.

²⁸ А. Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, т. I, стр. 230.

²⁹ П. И. Бирюков, Биография Л. Н. Толстого, т. I, стр. 218.

³⁰ «Толстой и Тургенев. Переписка», изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1928 г., стр. 56.

³¹ Справедливость предположения Толстого о том, что «мужики ни слова не поймут» в Манифесте, написанном митрополитом Филаретом кудрявым и запутанным слогом, подтверждается, между прочим, следующими словами письма Н. А. Белоголова к родным о чтении в церквах манифеста 5 марта 1861 г.: «Никто этого не ожидал: церкви за ранней обедней были совершенно пусты... Но зато к лодней обедне бросились все от мала до велика, выслушали манифест, осенили себя крестным знаменем и вышли из церкви, словно в тумане: больно хитро написано... Словом, русский народ, по крайней мере в Москве, не выказал ни особенной радости, ни особенного неудовольствия, потому что ничего не понял, и вот теперь только начинает мало-по-малу раскусывать» (Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 2, М., 1939, стр. 50).

³² Н. Н. Гусев, Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, изд. Academia, М., 1936, стр. 152; М. А. Цявловский, Декабристы. История писания и печатания романа — Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 17, 1936 г., стр. 469.

³³ П. Анненков, Литературные воспоминания, СПб., 1909 г., стр. 533—534.

³⁴ Герцен, т. XI, стр. 57—58.

³⁵ Письмо Тургенева к Толстому о своей болезни от 23 марта (4 апреля) 1861 г. напечатано в книге: «Толстой и Тургенев. Переписка», стр. 60.

³⁶ Письмо С. Н. Толстого не опубликовано; хранится в Рукописном отделе Толстовского музея.

³⁷ «Дело (1862 г.) 1 экспедиция № 230 III Отделения о графе Льве Толстом», изд. «Всемирный Вестник», СПб., 1906, стр. 53.

³⁸ Герцен, т. VIII, стр. 232.

³⁹ «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», изд. Общества Толстовского музея в Петербурге, СПб., 1911 г., стр. 162—163.

⁴⁰ Там же, стр. 164—165.

⁴¹ Т. А. Кузминская в своих воспоминаниях «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, 1846—1862» (изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1925 г., стр. 123) также рассказывает, что в портфеле хранились письма Герцена.

⁴² Ленин, Толстой и современное рабочее движение, — Сочинения, изд. 3, т. XIV, стр. 404.

⁴³ Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 63, 1934 г., стр. 93. Толстой читал статьи Страхова в его книге: «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки», СПб., 1882 г.

⁴⁴ Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 86, 1937 г., стр. 121—122.

⁴⁵ Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге, «Переписка», изд. Academia, Л., 1930 г., стр. 109.

- ⁴⁶ Проф. А. Г. Русанов, Воспоминания о Л. Н. Толстом, стр. 166.
- ⁴⁷ П. Сергеевко, Толстой и его современники, стр. 16.
- ⁴⁸ Дневник Толстого за 1890 г. не опубликован; хранится в Рукописном отделе Толстовского музея.
- ⁴⁹ «Письма Толстого и к Толстому», ГИЗ, 1928 г., стр. 29.
- ⁵⁰ Герцен, т. IX, стр. 27.
- ⁵¹ Письмо к Н. Н. Ге от 10 июля 1893 г. Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. «Переписка», стр. 162.
- ⁵² В письме к Толстому от 16 октября 1893 г. Лесков писал: «Вы, говорят, недавно читали Герцена» («Письма Толстого и к Толстому», стр. 152).
- ⁵³ Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 32, 1933 г., стр. 408.
- ⁵⁴ Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 33, 1935 г., стр. 214—215.
- ⁵⁵ Там же, стр. 213.
- ⁵⁶ Герцен, т. IX, стр. 31.
- ⁵⁷ «Дневник Л. Н. Толстого. 1895—1899», М., 1916 г., стр. 29—30.
- ⁵⁸ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 465.
- ⁵⁹ Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея, Москва.
- ⁶⁰ Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 43, 1929 г., стр. 31.
- ⁶¹ Из неопубликованной части «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого,
- ⁶² Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 72, 1933 г., стр. 164.
- ⁶³ Д. П. Маковицкий, Яснополянские записки, вып. I, стр. 30 (запись от 29 октября 1904 г.).
- ⁶⁴ Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея в Москве.
- ⁶⁵ А. Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, т. I, стр. 66.
- ⁶⁶ Там же, стр. 93.
- ⁶⁷ С. Н. Шульгин, Воспоминания о гр. Л. Н. Толстом — «Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом», изд. «Златоцвет», М., 1911 г., стр. 102.
- ⁶⁸ И. Я. Гинзбург, Стасов у Толстого — там же, стр. 107—108.
- ⁶⁹ «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка», изд. «Прибой», Л., 1929 г., стр. 248.
- ⁷⁰ «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена (1857—1869). Вольная Русская Типография, Женева, 1887.
- ⁷¹ А. Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, т. I, стр. 135.
- ⁷² М. Г., Воспоминания о Л. Н. Толстом — «Новые пропилеи», под ред. М. О. Гершензона, т. I, ГИЗ, М., 1923 г., стр. 98.
- ⁷³ Все приводимые ниже неоговоренные выдержки из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого взяты из их неопубликованной части.
- ⁷⁴ Герцен, т. X, стр. 1—10.
- ⁷⁵ Герцен, т. XV, стр. 256.
- ⁷⁶ Это место в статье Герцена было отмечено NB также Г. В. Плехановым. См. «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник VI, Соцэкиз, М., 1938, стр. 102.
- ⁷⁷ «Лев Толстой и В. В. Стасов», стр. 375.
- ⁷⁸ Там же, стр. 378.
- ⁷⁹ Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 55, 1937 г., стр. 165.
- ⁸⁰ «Круг Чтения. Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении», т. I, изд. «Посредник», М., 1906 г., стр. 451.
- ⁸¹ Там же, стр. 523.
- ⁸² Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 43, 1929 г., стр. 331.
- ⁸³ «Голос Минувшего», 1923 г., № 3, стр. 12 (цитата приводится нами в исправленном виде).
- ⁸⁴ Укажем, между прочим, что Н. Н. Апостолов в своей статье «Толстой и Герцен» («Лев Толстой и его спутники», М., 1928 г., стр. 44—46) называет ряд мест в различных статьях Герцена в женеvском издании его сочинений, будто бы отмеченных Толстым при чтении этих статей. На самом деле все места, указанные Н. Н. Апостоловым, за исключением цитат из статей «Концы и начала» и «Старый мир и Россия», были отмечены не Толстым, а другими лицами. Много ошибок в описании отметок Толстого на экземпляре сочинений Герцена сделано также в рукописном «Описании Яснополянской библиотеки» В. Ф. Булгакова, хранящемся в Рукописном отделении Толстовского музея, в Москве.
- ⁸⁵ «Голос Минувшего», 1923 г., № 3, стр. 25 (даем цитату в исправленном виде).
- ⁸⁶ А. Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, т. II, стр. 377.
- ⁸⁷ Эта и все дальнейшие выдержки из «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого взяты из их неопубликованной части.
- ⁸⁸ «Печать и революция», 1928 г., № 6, стр. 122.
- ⁸⁹ «Лев Толстой и В. В. Стасов», стр. 391.
- ⁹⁰ А. Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, т. I, стр. 182.
- ⁹¹ Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 36, 1936 г., стр. 330—331.

- ⁹² «Лев Толстой и В. В. Стасов», стр. 411.
- ⁹³ Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 36, 1936 г., стр. 294.
- ⁹⁴ П. А. Сергеенко, Толстой и его современники, стр. 15.
- ⁹⁵ Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 56, 1937 г., стр. 134.
- ⁹⁶ Там же, стр. 135.
- ⁹⁷ Н. Н. Гусев, Два года с Л. Н. Толстым, изд. Толстовского музея, М., 1928 г., стр. 181.
- ⁹⁸ Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 43, 1929 г., стр. 227.
- ⁹⁹ Н. Н. Гусев, Два года с Л. Н. Толстым, стр. 182.
- ¹⁰⁰ «Aphorismata. По поводу психиатрической теории доктора Крупова. Сочинение прозектора и адъюнкт-профессора Тита Левинафанского» (Герцен, т. XXI).
- ¹⁰¹ А. Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, т. I, стр. 213.
- ¹⁰² Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Толстовского музея, в Москве.
- ¹⁰³ Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 38, 1936 г., стр. 86 и 95.
- ¹⁰⁴ М. Гершензон, Западные друзья Герцена. — «Былое», 1907 г., № 4, стр. 63—82; № 5, стр. 205—207.
- ¹⁰⁵ А. Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, т. I, стр. 263.
- ¹⁰⁶ Там же, стр. 287.
- ¹⁰⁷ Л. Н. Толстой, Сочинения, т. 38, 1936 г., стр. 161—162.
- ¹⁰⁸ «Толстой и о Толстом. Новые материалы», 2, редакция В. Г. Черткова и Н. Н. Гусева, изд. Толстовского музея, М., 1926 г., стр. 79.
- ¹⁰⁹ Н. Н. Гусев, Два года с Л. Н. Толстым, изд. «Посредник», М., 1912 г., стр. 223 (запись от 27 ноября 1908 г.).